

Джейн
ОСТЕН

ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

НОРТЕНГЕРСКОЕ
АББАТСТВО

Джейн Остин
Нортенгерское
аббатство (сборник)
Серия «Всемирная литература»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36620249

*Джейн Остен. Нортенгерское аббатство (сборник): Эксмо; Москва;
2018*

ISBN 978-5-04-096687-5

Аннотация

Из-под пера Джейн Остен появились самые романтические пары и самые остроумные героини художественной литературы. С удивительной наблюдательностью, большим мастерством и тонким английским юмором описывает Джейн Остен быт и нравы провинциального общества своего времени.

«Нортенгерское аббатство» – самая озорная ее книга, изысканная ирония над канонами любовного романа. Родители Кэтрин не слишком богаты, но отнюдь не бедны. Она не слишком красива, но и не дурна собой. Кэтрин наивна, но лишь из-за недостатка жизненного опыта. Она обожает готические романы, и вся ее жизнь, как ей кажется, полна мрачных тайн и загадок. И только благодаря любви героя она обретает новый взгляд на реальность, ей открываются неведомые прежде стороны жизни.

«Доводы рассудка» – короткий бытовой роман, опубликованный посмертно под одной обложкой с «Нортенгерским аббатством». Захватывающая история жизни дочери баронета сэра Уолтера, который оказался в затруднительном финансовом положении. Энн Эллиот влюблена, и ей предстоит принять трудное решение. Что же окажется сильнее: доводы рассудка или веление сердца?

Содержание

НОРТЕНГЕРСКОЕ АББАТСТВО	6
Предуведомление автора к «Нортенгерскому аббатству»	6
Глава I	7
Глава II	14
Глава III	23
Глава IV	31
Глава V	37
Глава VI	43
Глава VII	51
Глава VIII	63
Глава IX	74
Глава X	87
Глава XI	103
Глава XII	116
Глава XIII	124
Глава XIV	136
Глава XV	151
Глава XVI	164
Конец ознакомительного фрагмента.	169

Джейн Остен

Нортенгерское

аббатство (сборник)

Jane Austen

Northanger Abbey

© Грызунова А. Б., перевод на русский язык, 2018

© Суриц Е., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

НОРТЕНГЕРСКОЕ АББАТСТВО

Предуведомление автора к «Нортенгерскому аббатству»

Сия книжица была окончена в 1803 году и предуготовлена к немедленной публикации. Она была отослана книгопродавцу, более того – о ней широко извещалось, и автор так и не нашла возможности узнать, отчего дело не продвинулось далее сего. Поразительно, отчего книгопродавец счел толковым приобрести то, что ему представлялось бестолковым издавать. Но посему ни автору, ни читателям не о чем беспокоиться – разве что потребны некоторые замечания касательно тех фрагментов книги, кои за тринадцать лет сравнительно устарели. Автор умоляет читателей не забывать, что с завершения сей работы миновало тринадцать лет, с начала – и того более, а за это время нравы, места, книги и мнения значительно переменились.

Глава I

Кто бы ни узрел Кэтрин Морлэнд во младенчестве, никогда бы не заподозрил, что она рождена героинею. Против сего равно восставали ее положение, нравы отца ее и матушки, а также ее собственные обличье и натура. Отец ее принадлежал к духовному сану, однако не страдал ни от пренебрежения, ни от бедности, был весьма респектабелен, хоть и прозывался Ричардом, – и никогда не отличался красотою. Кроме того, был он в немалой степени обеспечен, даже не считая двух небезвыгодных приходов, и никоим образом не склонялся держать дочерей под замком. Матушка Кэтрин была женщиной дельного и ясного ума, доброго нрава и, что еще замечательнее, приятного склада. До рождения Кэтрин г-жа Морлэнд произвела на свет троих сыновей; и, вместо того чтобы, как всякий бы чаял, скончаться родами дочери, жила далее – жила и родила еще шестерых, наблюдала, как они растут, и благословлена была превосходным здоровьем. Семью с десятистыми детьми непременно назовут прекрасной, если на всех хватает голов, рук и ног; но в остальном нельзя сказать, что семейство Морлэнд располагало особыми правами на подобный эпитет, ибо в целом было весьма невзрачным, и многие годы жизни Кэтрин была не красивее прочих. Худенькая и неловкая фигура, кожа землистая и бесцветная, темные гладкие волосы и резкие черты – на сем мы с ее обли-

ком и покончим; натура же ее для героизма представлялась не более благоприятной. Кэтрин любила мальчишеские игры и решительно предпочитала крикет не одним лишь куклам, но и более героическим развлечениям детства – взращиванию древесной сони, кормлению канарейки или же поливке розового куста. Вообще-то Кэтрин вовсе не питала вкуса к садоводству, а если и собирала цветы, то разве что озорства ради – во всяком случае, подобные догадки проистекали из того обстоятельства, что предпочитала она цветы, кои ей воспрещалось рвать. Таковы были ее склонности – а способности не менее исключительны. Никогда не удавалось ей нечто узнать или же уразуметь прежде, чем ее научат; и даже тогда сие порой не удавалось, ибо нередко бывала Кэтрин невнимательна, а порою глупа. Матушка три месяца учила ее декламировать «Мольбу нищего»; в результате сестра ее Сэлли, следующая по возрасту, читала стихотворение лучше Кэтрин. Кэтрин не была глупа всегда – отнюдь нет; басню «Зайчиха и ее друзья» она выучила не копотливее любой барышни в Англии. Матушка желала, чтобы Кэтрин обучалась музицированию; и Кэтрин верила, что полюбит сие занятие, ибо с наслаждением блямкала по клавишам старого позаброшенного клавесина; итак, в восемь лет она приступила. Проучилась год и долее вынести сего не смогла; г-жа Морлэнд, не понуждавшая дочерей к образованию вопреки их неспособности либо отвращению, оставила дочь в покое. День, когда уволили учителя музыки, стал одним из счаст-

ливейших в жизни Кэтрин. Вкус ее к рисованию не отличался развитостью, хотя, раздобывая у матери пустой оборот письма или же отыскивая любой другой листок, Кэтрин со всем возможным старанием рисовала домики и деревья, кур и цыплят, весьма друг на друга похожих. Письму и счету ее обучал отец; французскому – матушка; Кэтрин выказывала скромные таланты в том и другом и увиливала от уроков, когда только возможно. Сколь странная, непостижимая натура! – ибо в десять лет при всех вышеописанных симптомах распущенности юная дева не обладала ни злым сердцем, ни злым нравом, редко являла упрямство, едва ли – вздорность, была очень добра с малышами, лишь изредка перемежая доброту тиранией; кроме того, была она шумной и буйной, ненавидела домоседство и чистоту, а больше всего на свете любила кувыряться по травяному склону за домом.

Такова была Кэтрин Морлэнд в десять. В пятнадцать ее обличье выправилось; она стала завивать волосы и мечтать о балах; кожа ее побелела, черты смягчились пухлостью и румянцем, глаза обрели живость, а фигура – стройность. Ее любовь к грязи уступила место склонности к нарядам, и Кэтрин стала опрятна и изящна; ныне она порою имела удовольствие слышать, как отец и матушка отмечают совершенствование ее облика.

– Кэтрин растет весьма миловидной девицей – сегодня она почти красавица, – такие слова временами ловимы были ее слухом – и ах как приятны были сии звуки! Для барыш-

ни, что первые пятнадцать лет жизни пробыла дурнушкой, явиться почти красавицей – обретенье блаженной, нежели все, чего способна достичь прирожденная красotka.

Г-жа Морлэнд была женщиною очень доброй и хотела, чтобы дети ее стали всем, чем надлежит стать детям; однако дни ее были столь заняты родами и воспитаньем малышей, что старшим дочерям неизбежно приходилось крутиться самим; и что уж тут особо удивляться, если Кэтрин, по природе своей героизмом не располагавшая, в четырнадцать лет предпочитала крикет, мяч, верховую езду и беготню по округе книгам – по крайней мере, книгам содержательным, ибо вообще-то, если из оных книг невозможно было почерпнуть и намека на полезные знания, если в них содержались сплошь истории и никаких рассуждений, против книг Кэтрин ничего не имела. Однако с пятнадцати до семнадцати она училась на героиню; она читала те книги, кои героиням надлежит читать, дабы набить память цитатами, каковые пригодны и утешительны средь превратностей и многообразья любой героической жизни.

У Поупа научилась она осуждать тех, кто

скорбь надел, как маску в маскард¹.

У Грея – как

---

¹ Цитата из стихотворения английского поэта Александра Поупа (1688–1744) «Элегия в память несчастной дамы» («Elegy to the Memory of an Unfortunate Lady», 1717).

часто лилия цветет уединенно,
в пустынном воздухе теряя запах свой².

У Томсона – сколь

сие отрадно
юнцам внушить, как надобно стрелять³.

У Шекспира же она почерпнула бездну сведений – помимо прочего, что

Безделки, легче ветра,
Ревнивцев убеждают так же прочно,
Как слово Божье⁴.

Что

И великану не больней принять
Телесную кончину, чем жучку,

---

² Неточная цитата из стихотворения английского поэта Томаса Грея (1716–1771) «Элегия, написанная на сельском кладбище» («Elegy Written in a Country Churchyard», 1750). Вольный перевод В. Жуковского, публиковавшийся под названием «Сельское кладбище» (1802).

³ Сокращенная цитата из поэмы английского поэта Джеймса Томсона (1700–1748) «Весна» («Spring», 1728), вошедшей в его поэтический цикл «Времена года» («The Seasons», 1730).

⁴ Уильям Шекспир. Отелло. III, 3. Пер. М. Лозинского.

Раздавленному нашею ногою⁵.

И что влюбленная юная дева всегда выглядит так, чтобы,

Как статуя Терпения застыв,

Она своим страданьям улыбалась⁶.

До сих пор развитие Кэтрин протекало успешно – и во многих других областях она великолепно преуспевала; ибо, не умея писать сонеты, все же понудила себя их читать; и, не будучи в силах безмерно восхитить собрание исполнением на фортепьяно прелюдии собственного сочиненья, умела слушать музицированье прочих с невеликой долей утомления. Карандаш был крупнейшим ее упущеньем: она не обладала навыками рисования, коих доставало хотя бы набросать профиль возлюбленного, в каковом профиле различалась бы ее рука. В сем Кэтрин была прискорбно далека от высот подлинного героизма. Ныне дева не сознавала своего убожества за отсутствием пригодного к изображенью возлюбленного. Она достигла семнадцати лет, не встретив ни единого приятного юнца, что пробудил бы ее чувствительность, не вдохновив ни единой подлинной страсти, не разжегши даже восхищенья – разве что весьма умеренное и крайне мимолетное. Поистине странно! Впрочем, обыкновенно странности

---

⁵ Уильям Шекспир. Мера за меру. III, 1. Пер. О. Сороки.

⁶ Уильям Шекспир. Двенадцатая ночь, или Что угодно. II, 4. Пер. Э. Линецкой.

возможно изъяснить, если усердно искать причину. В округе не обнаруживалось ни единого лорда; вот именно – не наблюдалось даже баронета. Среди знакомцев не отмечалось ни одного семейства, что взрастило бы и воспитало мальчика, ненароком найденного под дверью, – ни одного юноши, чье происхождение не было бы известно. Отец Кэтрин никого не опекал, а сквайр прихода не имел детей.

Впрочем, если юной деве суждено стать героинею, ей не помеха упрямство сорока окрестных семей. Некий случай должен столкнуть ее с героем – и непременно столкнет.

Г-н Аллен, владелец львиной доли собственности в Фулертоне – деревне, что в Уилтшире, где обитали Морлэнды, – по причине подагрических наклонностей организма призываем был в Бат; супруга же его, добродушная женщина, связанная к юной г-же Морлэнд и, вероятно, осведомленная о том, что приключений, если таковые не имеют места в родной деревне юной девы, следует искать в местах иных, пригласила Кэтрин с собою. Г-н и г-жа Морлэнд явили совершенную уступчивость, а Кэтрин – совершенный восторг.

Глава II

В дополнение ко всему, что уже поведено о достоинствах наружности и духа Кэтрин Морлэнд, коей предстоит погрузиться в лишения и опасности полуторамесячного проживания в Бате, следует помянуть ради пущей ясности – на случай, если дальнейшие страницы не явят читателю представления о характере Кэтрин, – что сердцем она обладала нежным, а нравом жизнерадостным и открытым, без малейшего самомнения или жеманства; ее манеры едва переросли девичью неловкость и застенчивость; облик отличался приятностью, а при удачном стечении обстоятельств – и красотою; ум же был невежествен и несведущ, каким обыкновенно бывает женский ум в семнадцать лет.

Естественно предположить, что с приближеньем часа расставанья материнская тревога г-жи Морлэнд обострилась до крайности. Тысячи тревожных предчувствий беды, что грозит возлюбленной ее Кэтрин в рассуждении сей непомерной разлуки, вероятно, печалью сжимали сердце матушки и топили ее в слезах день-другой пред отъездом дочери; и, разумеется, напоследок, в протяженьи их совещанья в гардеробной г-жи Морлэнд, мудрые уста последней извергали советы крайне важного и уместного свойства. В подобную минуту переполненному сердцу ее надлежало излить предостереженья касательно жестокости пэров или же баронетов, како-

вые ради забавы силою увозят юных дев на некую удаленную ферму. Ужель возможно ожидать иного? Г-жа Морлэнд, однако, столь мало знала о лордах и баронетах, что никаких подозрений относительно их повальной безнравственности не питала и ни на миг не заподозрила, будто их козни грозят ее дочери. Материнские предостереженья ограничились следующим:

– Пожалуйста, Кэтрин, непременно получише кутай горло, когда станешь выходить из зал ввечеру; и, прошу тебя, постарайся записывать свои траты – вот тебе для сего книжица.

Сэлли – точнее, Саре (ибо какая юная дева обыкновенного благородства доживет до шестнадцати лет, не переменив, насколько возможно, своего имени?) полагается к сему дню быть ближайшей подругою своей сестры и ее наперсницей. Примечательно, однако, что сестра не потребовала от Кэтрин писать со всякой почтою и не понудила к обещанью живописать нрав всякого нового знакомого и подробности всех занимательных бесед, кои в Бате могут приключиться. Всё в отношении важного сего путешествия Морлэнды осуществили с выдержкою и хладнокровьем, кои более пристали обыкновенным переживаньям обыкновенной жизни, чем утонченной впечатлительности, нежным чувствам, каковые надлежит пробудить первой разлуке героини с родными. Отец Кэтрин, взамен открытья для дочери неограниченного кредита у своего банкира или хотя бы врученья кредитного билета на сотню фунтов, выдал Кэтрин всего лишь де-

сять гиней и посулил добавить, когда сие будет ей желанно.

Под столь малообещающей звездой состоялось расставание и началось путешествие. Свершилось оно в подобающей безмятежности и монотонной безопасности. Ни разбойники, ни бури не оказали путникам внимания, и ни единый благоприятный случай не свел их с героем. Не произошло ничего серьезного – разве только г-жа Аллен опасалась, что позабыла свои деревянные башмаки на постоялом дворе; но и эти переживания, к счастью, оказались беспочвенны.

Они прибыли в Бат. Кэтрин переполнял жадный восторг; экипаж приближался к изысканным и живописным предметам, затем катил улицами, что вели к гостинице, и взор юной девы метался туда, сюда и повсюду. Кэтрин приехала в Бат, дабы стать счастливой, и счастье уже осенило ее.

Вскоре они поселились в уютных комнатах на Палт-ни-стрит.

Ныне целесообразно будет несколько описать г-жу Аллен, дабы читатель в силах был судить, каким манером поступки ее в дальнейшем способствуют перипетиям романного сюжета и как она, вероятно, причастна будет ко всем беспросветным горестям бедной Кэтрин, какие только в состоянии предоставить последний том, – неблагоприятным ли своим, вульгарностью или же завистью, перехватывая письма Кэтрин, развращая ее натуру или же выставив несчастную деву за порог.

Г-жа Аллен принадлежала к многочисленному племени

женщин, чье общество может возбудить лишь удивление тем обстоятельством, что на свете нашелся хоть один мужчина, питавший к ней расположение, силою своей достаточно для женитьбы. Дама сия не обладала ни красотою, ни талантами, ни образованием, ни воспитанностью. Благородная наружность, великая умиротворенность, бездеятельный, однако добрый нрав и суетность натуры – больше нечем объяснить, отчего она стала избранницей здорового, разумного г-на Аллена. В одном отношении она замечательно годилась, чтобы ввести юную деву в общество, – как любая молодая дама, г-жа Аллен любила повсюду бывать и все видеть самолично. Она питала страсть к нарядам. Весьма безобидно сия дама наслаждалась собственной элегантностью; и вступление нашей героини в жизнь неумолимо отсрочилось на три-четыре дня, в протяжении коих были изучены популярнейшие уборы, а компаньонка обзавелась наимоднейшим платьем. Равно и Кэтрин свершила некие покупки, и едва сии дела были улажены, настал знаменательный вечер, кой привел ее в «Верхние залы»⁷. Волосы Кэтрин были подстрижены и уложены лучшим куафером, платье надето со всем тщаньем, и г-жа Аллен, а также служанка оной провозгласили, что Кэтрин выглядит именно так, как ей надлежит. Сии похвалы внушили Кэтрин надежду, что ей удастся по меньшей мере пройти сквозь толпу, не подвергнувшись критике. Что же до восхи-

---

⁷ «Верхние залы» – помещение для публичных балов, построенное в Бате в 1771 г. Джоном Вудом-мл. (1728–1781).

щения, Кэтрин радовалась, если таковое имело место, однако не рассчитывала на него.

Г-жа Аллен так долго облачалась, что в бальную залу они явились поздно. Сезон был в разгаре, зала полна, и дамы втиснулись внутрь, как могли. Г-н Аллен же направился напрямиком в карточный салон, оставив дам в одиночестве наслаждаться давкой. Более заботясь о неприкосновенности наряда, нежели об удобстве протеза, г-жа Аллен пробиралась сквозь собрание мужчин у двери с поспешностью, кою только позволяли потребные предосторожности; Кэтрин, однако, держалась пообок и столь прочно оплела рукою локоть подруги, что их не могли разъединить потуги бурлящего собрания. Впрочем, к великому своему потрясению, Кэтрин узрела, что ходьба по зале отнюдь не избавляет от толчеи; таковая, пожалуй, возрастала по мере их продвижения, хотя Кэтрин полагала, будто, отойдя от двери подальше, они с легкостью отыщут кресла и смогут в превосходном уюте наблюдать танцы. Сии мечтанья, однако, оказались далеки от действительности, и хотя посредством неумолимого усердия подруги выбрались к противоположной стене, положение их не переменилось: они не видели танцоров, но лишь длинные перья дам. Они продолжали идти в поисках лучшей доли; неустанные усилия и находчивость вывели их наконец в проход за самой высокой скамьею. Здесь толпа отчасти поредела, и посему юной г-же Морлэнд открылся обширный вид на собрание внизу и на все опасности ее недавнего похода

сквозь оное. Зрелище было великолепное, и Кэтрин впервые за вечер почувствовала себя на балу; ей хотелось танцевать, однако в зале не обнаруживалось ни единого знакомого. Г-жа Аллен делала все, что в подобной ситуации возможно, то и дело весьма безмятежно повторяя:

– Жаль, дорогая моя, что вы не танцуете, – хорошо бы вам найти партнера.

Некоторое время юная подруга была ей за подобные желания признательна, однако повторялись они столь часто и оказались столь бездейственны, что Кэтрин в конце концов утомилась и больше г-жу Аллен не благодарила.

Но ненадолго обрели они возвышенный отдых, коего с таким трудом добивались. Вскоре все зашевелились, направляясь пить чай, и подруги принуждены были толкаться вместе с прочими. Кэтрин уже отчасти расстроилась – ее изнурял неотступный напор людей, совокупность лиц коих вовсе не представляла интереса и с коими она была столь бесконечно незнакома, что не могла утишить досаду заточенья обменом парой слов с другим узником; а когда они все-таки прибыли в чайную залу, Кэтрин стало еще неловче, ибо не нашлось группы, к коей можно было присоединиться, знакомого, к коему обратиться, джентльмена, кой поухаживал бы за ними. Г-н Аллен не показывался, и, тщетно поискав более уместного положенья, подруги вынуждены были усесться в конце стола, где уже расположилось большое общество; заняться им было нечем и разговаривать, за исключением друг

друга, не с кем.

Едва они уселись, г-жа Аллен поздравила себя с тем, что оберегла платье от пагубы.

– Было бы крайне возмутительно его порвать, – молвила она, – не правда ли? Такой тонкий муслин. Я, например, во всей зале не увидела ничего лучше, уверяю тебя.

– Как это неудобно, – прошептала Кэтрин, – что у нас тут нет ни единого знакомого!

– Да, моя дорогая, – совершенно невозмутимо ответствовала г-жа Аллен, – в самом деле весьма неудобно.

– Что нам делать? Джентльмены и дамы за столом глядят на нас так, будто не понимают, зачем мы сюда явились, – мы как будто навязываемся их обществу.

– Да уж, действительно. Сие весьма неприятно. Хорошо бы у нас тут имелось множество знакомцев.

– Хорошо бы у нас имелось хоть *сколько-нибудь* – нам было бы к кому подойти.

– Совершенно верно, дорогая моя; знай мы хоть кого-то, мы бы присоединились к ним тотчас. В прошлом году сюда ездили Скиннеры – жаль, что теперь их нет.

– В таком случае нам, быть может, лучше уйти? Видите, для нас нет чашек.

– В самом деле нет. Как досадно! Но, полагаю, нам лучше посидеть смирно – в подобной толпе ужасная сумятица. Как у меня прическа, дорогая моя? Кто-то толкнул меня и, боюсь, повредил мне куафюру.

– Нет-нет, она замечательно смотрится. Но, дорогая госпожа Аллен, тут столько народу – вы совершенно уверены, что никого не знаете? По-моему, вы *должны* знать хоть кого-нибудь.

– Никого не знаю, честное слово, – очень жаль. Хорошо бы здешние мои знакомства были обширны; я желала бы всего всем сердцем – тогда я нашла бы тебе партнера. Хорошо бы тебе потанцевать. Взгляни, какая странная дама! Какое чудное у нее платье! Как старомодно! Ты посмотри на спину.

Спустя время сосед предложил им чаю; предложение было с благодарностью принято, и это привело к пустячной беседе с сим джентльменом; то был единственный раз за весь вечер, когда с подругами заговорили; в следующий раз подобное произошло, когда по завершении танца г-н Аллен разыскал их и составил им общество.

– Ну-с, госпожа Морлэнд, – немедленно молвил он, – надеюсь, бал выдался приятный.

– Весьма приятный, – отвечала Кэтрин, вотще пытаюсь скрыть отчаянный зев.

– Жаль, что ей не удалось потанцевать, – прибавила его жена. – Жаль, что я не могла найти ей партнера. Я тут уже говорила, как было бы приятно, если б Скиннеры сюда поехали этим летом, а не прошлым, или если бы приехали Пэрри – они же как-то обмолвились, – и она могла бы потанцевать с Джорджем Пэрри. Как прискорбно, что у нее нет партнера!

– Надеюсь, в иной вечер все обернется удачнее, – вот чем

утешил ее г-н Аллен.

Когда окончились танцы, общество рассеялось — достаточно, чтобы оставшимся хватило места расхаживать с некоторым удобством; настала минута, когда героине, коя в событиях вечера играла не слишком заметную роль, надлежит обрести вниманье и восхищенье. Всякие пять минут, отчасти прореживая собрание, отчетливее являли взору ее прелести. Ныне ее лицезрели многочисленные молодые кавалеры, коим не случалось очутиться подле нее прежде. Ни один, однако, при виде ее не содрогнулся в восторженном изумленье, никакой шепот настойчивых расспросов не прокатился по зале, и ни единожды никто не назвал нашу героиню божеством. Впрочем, Кэтрин выглядела превосходно; если б нынешнее общество узрело ее тремя годами ранее, *теперь* все сочли бы ее чрезвычайной красавицей.

На нее тем не менее *взирали*, и не без восхищенья: она сама слышала, как двое джентльменов объявили ее миловидной барышней. Слова сии подействовали надлежащим манером; Кэтрин тотчас сочла вечер отраднее, чем ей виделось прежде, скромное ее тщеславье было удовлетворено, и за сию простую похвалу она была признательна двоим юношам более, нежели была бы признательна достоподлинная героиня за пятнадцать сонетов, воспевающих ее прелести; Кэтрин садилась в портшез, всеми довольная и совершенно убаготворенная вниманьем общества, доставшимся на ее долю.

Глава III

Ныне всякое утро несло с собою обыденные повинности: надлежало посетить лавки, обозреть очередной городской квартал и посетить бювет, где обе дамы час расхаживали туда-сюда, всех разглядывая и ни с кем не заговаривая. Желанье завести многочисленные знакомства в Бате по-прежнему одолевало г-жу Аллен, и она выказывала таковое после всякого свежего доказательства – имевшего место ежеутренне – своего незнакомства ни с кем вообще.

Они посетили и «Нижние залы», где судьба оказалась благосклоннее к нашей героине. Распорядитель бала представил ей танца ради весьма благородного молодого человека именем Тилни. Лет двадцати четырех – двадцати пяти, довольно высок, пригож собою; г-н Тилни обладал очень умным и живым взором и, если и не был совершенно красив, немало к сему приближался. Манеры его были хороши, и Кэтрин сочла, что ей широко улыбнулась удача. В протяженьи танцев им редко выдавался шанс побеседовать, но усевшись пить чай, Кэтрин узрела, что партнер ее обаятелен не менее, чем уже ей представляется. Говорил он красноречиво и воодушевленно – и в повадках его обнаруживались лукавство и любезность, кои интересовали юную деву, хотя вряд ли были ею понимаемы. Некоторое время поболтав о том, что естественно проистекало из обстановки, он внезапно обратился

к Кэтрин следующим манером:

– До сей минуты, сударыня, я был весьма нерадив касательно знаков внимания, подобающих партнеру; я еще не спросил, долго ли вы пробывали в Бате; бывали ль вы здесь прежде; посетили ль «Верхние залы», театр и концерт; и как вам нравится Бат? Я явил ужасную небрежность – но можете ль вы ныне удовлетворить мое любопытство относительно сих подробностей? Если да, я перейду к расспросам незамедлительно.

– Вам не следует так себя утруждать, сударь.

– Сие не утруждает меня нимало, сударыня, уверяю вас. – И, сложив губы в застылую улыбку и нарочито понизив голос, он не без жеманства молвил: – Давно ль вы пребываете в Бате, сударыня?

– Около недели, сударь, – отвечала Кэтрин, пытаясь сдержать смех.

– Вот как! – с нарочитым изумленьем.

– Отчего вы удивлены, сударь?

– И впрямь – отчего? – отвечал он человеческим тоном. – Но ответу вашему надлежит породить некое чувство, а удивление изображается легче и резонно не менее прочих. Итак, продолжим. Вы никогда не бывали здесь прежде, сударыня?

– Никогда, сударь.

– Неужели? Почтили ль вы своим присутствием «Верхние залы»?

– Да, сударь, я побывала там в понедельник.

– Посетили ль вы театр?

– Да, сударь, я была на представлении во вторник.

– Концерт?

– Да, сударь, в среду.

– И нравится ль вам сей город?

– Да – очень нравится.

– Теперь мне полагается разок ухмыльнуться, и затем мы вновь можем стать разумными людьми.

Кэтрин отвернулась, не понимая, можно ли рассмеяться.

– Я знаю, что вы думаете обо мне, – скорбно молвил он. –

Завтра в вашем дневнике я предстану унылой фигурой.

– В моем дневнике!

– Да, я предугадываю всякое ваше слово: пятница, была в «Нижних залах»; надела муслиновое платье в «веточку», голубая отделка; простые черные туфли; смотрелась очень выгодно; однако была странным манером преследуема чудным слабоумцем, кой понуждал меня с ним танцевать и досаждал ерундовой болтовнею.

– Ничего подобного я не напишу.

– Сказать ли, что вам следует написать?

– Если угодно.

– Я танцевала с весьма приятным молодым человеком, ко-го представил господин Кинг; мы много беседовали – похоже, умен совершенно невероятно, – надеюсь, мы познакомимся ближе. *Вот* что, исполнись мое желанье, появилось бы в вашем дневнике, сударыня.

– Но, быть может, я вовсе не веду дневника.

– Быть может, вы не сидите в сем зале, а я не сижу подле вас. В сих фактах равно возможны сомненья. Не ведете дневник! А как же далеким вашим кузинам постичь без дневника течение вашей жизни в Бате? Как надлежаще пересказать каждодневные любезности и комплименты, если не записывать их всякий вечер? Как запомнить всевозможные ваши наряды, как описать особый цвет вашего лица и извив волос во всем их разнообразьи, не прибегая постоянно к дневнику? Дражайшая моя сударыня, я не столь несведущ в привычках юных дам, сколь вам было бы желательно; сие восхитительное пристрастие к веденью дневников и способствовало созданию изящного стиля письма, за кой повсеместно столь восхваляемы дамы. Всякий согласится, что исключительно дамы располагают талантом к написанию отрадных писем. Вероятно, к сему приложила руку и природа, но я убежден, что в основном сему содействует привычка вести дневник.

– Я порой думаю, – с сомнением заметила Кэтрин, – правду ли дамы настолько лучше джентльменов пишут письма! То есть – я бы не сказала, что превосходство неизменно на нашей стороне.

– Насколько я имел возможность судить, мне представляется, что у дам стиль писем безупречен, не считая трех частностей.

– И каковы же они?

– Как правило, отсутствие предмета обсуждения, совер-

шеннейшее невниманье к знакам препинанья и зачастую пренебрежение грамматикою.

– Ну честное слово! Не стоило мне отвергать комплимент. В рассуждении писем вы и так цените нас не слишком высоко.

– Я не более готов утверждать, будто женщины непременно лучше мужчин пишут письма, нежели будто женщины лучше поют дуэты или лучше рисуют пейзажи. Во всех дарованьях, что коренятся во вкусе, способности распределены меж полами довольно справедливо.

Их прервала г-жа Аллен.

– Дорогая моя Кэтрин, – сказала она, – вынь у меня из рукава булавку, будь добра; боюсь, она уже прорвала дыру; в таком случае я буду горевать, ибо это мое любимое платье, хоть и стоило каких-то девять шиллингов за ярд.

– Я так сразу и подумал, сударыня, – заметил г-н Тилни, озирая муслин.

– Вы разбираетесь в муслине, сударь?

– И притом блестяще; я всегда сам покупаю себе галстуки, и меня почитают отличным знатоком; а сестра моя нередко доверяет мне выбор своих платьев. На днях я приобрел ей платье – всякая дама, его узревшая, объявила сей туалет изумительно выгодным приобретеньем. Всего пять шиллингов за ярд – и настоящий индийский муслин.

Г-жу Аллен его таланты потрясли.

– Обычно мужчины столь мало вниманья уделяют подоб-

ному, — сказала она. — Я никак не могу обучить господина Аллена различать мои наряды. Вероятно, сударь, вы — великое утешенье для своей сестры.

— Надеюсь, сударыня.

— И, прошу вас, поведайте, что думаете вы о платье госпожи Морлэнд, сударь?

— Оно очень красиво, сударыня, — отвечал он, серьезно его изучая, — однако сомневаюсь, что оно моется хорошо; боюсь, оно обтреплется.

— Как вы можете, — засмеялась Кэтрин, — быть таким... — Она чуть не произнесла «странным».

— Я вполне с вами согласна, сударь, — молвила г-жа Аллен, — я так и сказала юной госпоже Морлэнд, когда она его купила.

— Но с другой стороны, сударыня, от муслина всегда выходит та или иная польза; госпоже Морлэнд достанет на платок, чепец или же накидку. Муслин не бывает потрачен впустую. Я сорок раз слышал, как сие говорила моя сестра, когда по сумасбродству покупала больше, нежели хотела, или неосторожно резала его на куски.

— Бат — чарующий город, сударь; здесь столько превосходных лавок. У нас в провинции с сим дело обстоит прискорбно; нет, у нас, конечно, имеются превосходные лавки в Солсбери, но он так далеко: восемь миль — долгий путь; господин Аллен утверждает, что девять, ровно девять, но я уверена, что больше восьми никак не может быть; и сие так утоми-

тельно – я возвращаюсь усталая до смерти. А здесь шагаешь за дверь и приобретаешь потребное за пять минут.

Г-ну Тилни хватило вежливости изобразить интерес к ее повествованию; и до возобновленья танцев г-жа Аллен не отступала от беседы о муслине. Кэтрин, слушая их разговор, опасалась, что ее партнер капельку чересчур увлекается чужими слабостями.

– О чем вы размышляете столь серьезным манером? – осведомился он, когда они вновь направились в бальную залу. – Не о своем партнере, я надеюсь, ибо, судя по тому, как вы качаете головою, раздумья ваши не из приятных.

Покраснев, Кэтрин отвечала:

– Я ни о чем не думала.

– Сие, разумеется, весьма хитро и глубоко, но мне было бы приятнее, если б вы тут же сообщили, что не скажете мне.

– Ну хорошо, я вам не скажу.

– Благодарю вас, ибо теперь мы вскоре станем близкими знакомцами: я вправе дразнить вас на сей счет при всякой встрече, а ничто на свете не способствует задушевности более.

Они снова танцевали и, когда бал завершился, расстались с немалой склонностью – по меньшей мере, со стороны дамы – продолжить знакомство. Невозможно сообщить достоверно, до того ли много думала она о нем, когда пила теплое вино с водою и готовилась улечься в постель, что о нем же грезил, в оной постели оказавшись; но надеюсь, что раз-

ве только в легкой дреме или предутреннем полусне; ибо если правда, как утверждает прославленный писатель, что нет оправданий влюбленности юной девы, прежде чем в любви ей признался джентльмен⁸, юной деве было бы весьма неприемлемо грезить о джентльмене прежде, чем станет известно, что джентльмен грезил о ней. Мысль о том, сколь приемлем г-н Тилни в рассуждении сновидений или же любви, пожалуй, еще не посетила г-на Аллена, однако последний, свершив расспросы, уверился, что не питает возражений против обыкновенного знакомства своей подопечной с молодым человеком, ибо в начале вечера, утрудившись выяснениями личности ее партнера, выяснил, что г-н Тилни – священник и происходит из крайне уважаемого глостерширского семейства.

---

⁸ См. письмо г-на Ричардсона, «Рэмблер» № 97, том II. – Имеется в виду эссе английского писателя Сэмюэла Ричардсона (1689–1761), опубликованное 19 февраля 1751 г. в указанном номере журнала, который в 1750–1752 гг. издавался английским поэтом, эссеистом, биографом, лексикографом и критиком Сэмюэлом Джонсоном (1709–1784). *Прим. автора.*

Глава IV

С пылом жарче обычного спешила Кэтрин назавтра в бювет, убежденная, что до исхода утра встретит там г-на Тилни, и готовая предстать оному с улыбкою на устах; улыбки, впрочем, не потребовалось – г-н Тилни не явился. Любая живая душа в Бате, за исключением г-на Тилни, посетила бювет в ту или иную минуту в протяжении людных часов; толпы народу всякий миг входили и выходили, поднимались и спускались по лестнице; людей, кои всем были безразличны и коих никто не желал видеть; и лишь один г-н Тилни не показывался.

– Сколь восхитителен Бат, – заметила г-жа Аллен, едва они сели подле больших часов, утомившись расхаживать по зале, – и сколь был бы он приятен, заведи мы тут знакомцев.

Уж который раз сие соображение излагалось втуне, и у г-жи Аллен не имелось особых резонов надеяться, что последствия его ныне окажутся благоприятнее; однако нас учат, что, если мы «в дерзаниях отвергнем ретираду», наш «труд упорный удостоится награды»; и упорный труд г-жи Аллен, что ни день твердившей, как мечтает она об одном, был вознагражден в конце концов, ибо не успела она просидеть и десяти минут, как некая дама, примерно ее ровесница, сидевшая подле и несколько минут взиравшая на г-жу Аллен весьма пристально, с великой учтивостью изрекла:

– Мне представляется, сударыня, что я вряд ли ошибаюсь;

много времени миновало с тех пор, как я имела удовольствие лицезреть вас, но не Аллен ли ваша фамилия?

Едва ответ на сие вопрошение был дан – и с немалой охотою, – незнакомка сообщила, что ее фамилия Торп; и г-жа Аллен тотчас же признала черты бывшей соученицы и близкой подруги, кою после ее и своего замужества видела всего единожды, да и то много лет назад. Встрече они возрадовались несказанно – само собой, ибо пребывали довольны, минувшие пятнадцать лет не ведая друг о друге ничего. Далее последовали комплименты наружностям; а затем, отметив, как пролетело время с их последней встречи, сколь мало они предполагали встретиться в Бате и как прелестно вновь увидеть старую подругу, дамы перешли к расспросам и известиям о семьях, сестрах и родне, треща одновременно, охотнее излагая сведенья, нежели их воспринимая, и толком друг друга не слыша. Г-жа Торп, впрочем, располагала серьезным ораторским преимуществом, ибо имела детей; и в то время как она разглагольствовала о талантах сыновей и красоте дочерей, повествовала о разнообразных их положениях и будущностях – Джон в Оксфорде, Эдвард в Мёрчант-Тейлорз⁹, а Уильям в морях – и о том, что всех троих окружающие любят и почитают, как никогда не любили и не почитали ни одной троицы на свете, г-жа Аллен подобной информации сообщить не могла, не располагала возможностью навязать

---

⁹ Мёрчант-Тейлорз – одна из девяти старейших в Англии мужских средних школ, основанная в 1561 г. и расположенная в Нортвуде, неподалеку от Лондона.

сходные триумфы недовольному и недоверчивому слуху подруги, и посему принуждена была сидеть и делать вид, будто внимает материнским излияньям, а между тем утешать себя открытием – кое вскоре свершил ее острый взор, – что кружева накидки у г-жи Торп и вполовину не так красивы, как на ее собственной.

– А вот и мои ненаглядные девочки! – вскричала г-жа Торп, указывая на трех изысканных девиц, что приближались к ней, сплетя руки. – Дражайшая моя госпожа Аллен, я жажду представить их вам, они будут так счастливы с вами познакомиться; выше всех – Изабелла, моя старшенькая; блестящая юная дама, что скажете? Другими тоже все восхищаются, но я считаю, что Изабелла красивее всех.

Юные г-жи Торп были представлены, и равно представлена была позабытая ненадолго юная г-жа Морлэнд. Имя ее, очевидно, всех поразило, и, явив великую учтивость в беседе, старшая дева вслух заметила прочим:

– Как замечательно похожа юная госпожа Морлэнд на своего брата!

– Одно лицо! – вскричала их мать.

– Как же я не сообразила, что это его сестра! – повторили они все раза два или три. Кэтрин было растерялась, но не успели г-жа Торп и ее дочери толком приступить к истории своего знакомства с г-ном Джеймсом Морлэндом, как наша героиня припомнила, что недавно в колледже старший брат ее близко подружился с юношей по фамилии Торп и послед-

нюю неделю рождественских каникул провел с семьею друга неподалеку от Лондона.

Все разъяснилось, и сестры Торп извергли немало любезностей: они желают ближе познакомиться с юной г-жою Морлэнд, уже считают ее своей подругою, ибо дружат с ее братом и т. п., — каковые Кэтрин выслушала с удовольствием и отразила всеми приятственными выраженьями, какие только пришли на ум; и в рассуждении первого залога дружества ей вскоре предложено было принять руку старшей сестры Торп и прогуляться по зале. От подобного расширения круга знакомцев в Бате Кэтрин возликовала и, беседуя с юной г-жою Торп, почти забыла о г-не Тилни. Воистину, дружба — наилучший бальзам от более разочарованной любви.

Беседа их обратилась к вопросам, коих свободное обсуждение нередко приводит к усугублению внезапной близости двух юных дам, как то: платья, балы, флирты и посмешища. Юная г-жа Торп, однако, будучи старше юной г-жи Морлэнд четырьмя годами и по меньшей мере четырьмя годами более сведуща, в подобных диспутах имела безусловное преимущество; она способна была сравнить балы в Бате с таковыми в Танбридже, моды Бата с модами Лондона; могла отточить мнения новой подруги касательно многочисленных деталей изящного туалета; умела распознать флирт меж любыми джентльменом и дамою, кои лишь обменялись улыбками; и в гуще толпы различала посмешище. Сии таланты сниска-

ли заслуженное восхищенье Кэтрин, будучи для нее совершенно новыми, а уваженье, кое они естественно порождали, могло бы оказаться чрезмерным для такого знакомства, если б непринужденная веселость, отличавшая манеры юной г-жи Торп, и ее частые восторги относительно знакомства не сглаживали всякий трепет, оставляя в душе Кэтрин только нежное расположение. Их крепнувшая привязанность не довольствовалась полудюжиной кругов по зале, но, когда все дамы из залы отбыли, понудила юную г-жу Торп проводить юную г-жу Морлэнд до самых дверей г-на Аллена; там они расстались с наинежнейшим и продолжительнейшим рукопожатьем, ко взаимному облегчению узнав, что свидятся в театре вечером и будут молиться в одной церкви наутро. Кэтрин тотчас помчалась наверх и из окна гостиной наблюдала, как юная г-жа Торп шагает по улице; Кэтрин восхищалась изяществом ее походки, фешенебельностью стати и наряда и была, само собой, признательна и благодарна случаю, что свел ее с такой подругою.

Г-жа Торп была вдовою, и к тому же не слишком богатой; благодушная доброхотка и весьма снисходительная мать. Старшая дочь ее обладала немалой красотою, а младшие, прикидываясь, будто красивы не менее, копируя манеры сестры и одеваясь в сходном стиле, успехом пользовались немалым.

Сие краткое живописание семейства Торп призвано устранить необходимость в долгом и обстоятельном повест-

вованыи лично г-жи Торп о ее приключениях и горестях, кое в противном случае наверняка заняло бы следующие три ли-бо четыре главы; в них подчеркивалась бы никчемность лордов и стряпчих, а беседы, имевшие место двадцать лет назад, были бы пересказаны дословно.

Глава V

В тот вечер кивки и улыбки в ответ на таковые юной г-жи Торп не настолько завладели вниманием Кэтрин – хотя, разумеется, отнимали львиную долю ее досуга, – чтобы вопрошающим взором не искать г-на Тилни во всякой ложе, коей достигал взгляд; однако поиски были тщетны. Пьеса оказалась по душе г-ну Тилни не более бювета. Кэтрин надеялась, что завтра ей повезет больше, и, когда моления о ясной погоде были услышаны и взору предстало великолепное утро, едва ли усомнилась; ибо доброе воскресенье в Бате опустошает всякий дом и все на свете по такому случаю выходят погулять и известить знакомцев, сколь очаровательный выдался денек.

По завершении богослужения дамы Торп и Аллены пылко воссоединились; побыв в бювете, дабы удостовериться, что толпа невыносима, а взору не явлено ни единого благородного лица, – в чем удостоверяется каждый всякое воскресенье сезона, – они заспешили прочь к Полумесяцу¹⁰, дабы вдохнуть свежего воздуха более подходящего общества. Здесь Кэтрин и Изабелла, сплетя руки, вновь отведали сладости дружбы в теплой беседе; говорили они много и с превеликим удовольствием, однако надежды Кэтрин вновь повстре-

---

¹⁰ (Королевский) Полумесяц – круглый архитектурный ансамбль в Бате, построенный в 1767–1774 гг. по проекту Джона Вуда-мл.

чаться с партнером снова не сбылись. Его нигде не было видно; всякие поиски в утренних салонах или на вечерних балах равно оборачивались неудачей; ни в «Верхних», ни в «Нижних залах», ни на парадных или же непарадных балах не показывался он; и отсутствовал среди гуляющих, наездников или возниц кюррикелей поутру. Имя его не значилось в учетной книге бювета, и на сем любопытство сложило оружие. Вероятно, он покинул Бат. Но ведь он не говорил, что пребывание его здесь будет столь кратким! Подобная таинственность, что неизменно так идет герою, освежила обаяние внешности его и манер в воображении Кэтрин и разожгла ее стремление разузнать о нем побольше. Дамы Торп ничего не в силах были сообщить, ибо до встречи с г-жою Аллен пробыли в Бате всего два дня. Впрочем, сей предмет Кэтрин нередко позволяла себе обсуждать с прелестной своей подругою; та всевозможными способами потворствовала этой склонности, и посему образ г-на Тилни в фантазиях Кэтрин не померк. Изабелла абсолютно не сомневалась, что он очаровательный молодой человек и равно – что он в восторге от драгоценнейшей ее Кэтрин и вскоре возвратится. Он был священником и поэтому нравился Изабелле еще больше – «ибо она должна признаться, что весьма неравнодушна к сему занятию»; при этих словах некое подобье вздоха сорвалось с ее уст. Быть может, Кэтрин напрасно не спросила, какова причина столь нежных чувств, – но она была недостаточно опытна в тонкостях любви или долге дружбы и не

знала, когда приличествует мягко пошутить, а когда потребно вынудить к откровенности.

Г-жа Аллен была вполне счастлива – вполне довольна Батом. Она отыскиала знакомцев, ей повезло обнаружить, что оные – семейство бесценной старой подруги, и в довершение ко всему выяснилось, что знакомцы сии наряжены гораздо скромнее, чем она сама. Ныне каждодневные ее излишня не гласили более: «Хорошо бы у нас завелись знакомства в Бате!» Они сменились на: «Как я рада, что мы повстречались с госпожою Торп!»; г-жа Аллен поддерживала общение семей с пылом, что в совершенстве отвечал желаньям ее подопечной и Изабеллы, и не бывала довольна прошедшим днем, если он не проводился главным образом подле г-жи Торп; дамы заняты были тем, что почиталось ими беседою, но почти избавлено было от обмена мнениями и нередко лишено даже подобия предмета, ибо г-жа Торп болтала все больше о детях, а г-жа Аллен – о платьях.

Развитие дружбы меж Кэтрин и Изабеллой протекало быстро, ибо началась сия дружба жарко, и они до того стремительно миновали все ступени растущей нежности, что вскоре уж не осталось свежих доказательств оной, кои возможно было предъявить друзьям или же себе. Они звали друг друга по имени, неизменно гуляли под руку, подкалывали друг другу шлейфы пред балами и не соглашались расставаться в протяженьи танцев; когда же дождливое утро лишало их прочих увеселений, юные девы по-прежнему пол-

нились решимостью встретиться, невзирая на морось и слякоть, и запирались, дабы вместе читать романы. Вот именно, романы; ибо я не склонюсь к невеликодушному и неразумному обычаю, столь распространенному среди романистов, пренебрежительным осуждением унижать те самые книги, что прирастают отчасти сих романистов стараниями, – не стану поддерживать их злейших недругов, награждая подобные книги нелестнейшими эпитетами и едва ли дозволяя читать оные книги собственной героине, каковая, случись ей открыть роман, листает его пресные страницы с непременным отвращением. Увы! Если героиню одного романа не станет опекать героя другого, от кого ждать ей защиты и расположения? Я сего одобрить не могу. Пусть критики на досуге поливают грязью подобные излишня фантазии и обо всяком новом романе мелют банальную чепуху, коей полнится ныне наша пресса. Не оставимте друг друга; все мы оскорблены. Произведения наши даруют наслаждение длительнее и непритворнее, чем работы любых литературных гильдий в мире, и однако же никакие более образчики сочинительства не подвергаются столь обширной хуле. Ввиду гордости, невежества или дани моде враги наши числом своим почти сравнялись с читателями. И в то время как таланты девятисотого редактора, сократившего «Историю Англии»¹¹, или человека, что собирает и публикует в одном то-

---

¹¹ «История Англии» («The History of England from the Earliest Times to the Death of George II») – многотомная работа ирландского писателя, поэта и физика

ме несколько десятков строк Милтона, Поупа и Прайора¹² вместе с сочиненьями из «Спектейтора»¹³ и главою из Стерна¹⁴, превозносятся тысячью перьев, все кому не лень жаждут принизить дарованья и умалить труд романиста, пренебречь книгою, в пользу коей говорят лишь талант, остроумье и вкус. «Я романов не читаю... Я редко заглядываю в романы... Не подумайте, будто я часто читаю романы... Ну, для романа сойдет». Вот оно, обычное ханжество. «А что это вы читаете, госпожа?..» – «Ой, да всего лишь роман!» – отвечает молодая дама, с притворным равнодушьем или мгно-

---

Оливера Голдсмита (1730–1774), впервые изданная в 1771 г., а затем пережившая множество сокращенных переизданий.

¹² Джон Милтон (1608–1674) – английский поэт, публицист и деятель Английской республики, более всего известный своей поэмой «Потерянный рай» (1667). Мэтью Прайор (1664–1721) – английский поэт и дипломат.

¹³ «Спектейтор» («The Spectator») – британский журнал, созданный Джозефом Эддисоном (1672–1719) и Ричардом Стилом (1672–1729), в 1711–1712 гг. выходивший как ежедневное издание, затем возрожденный в 1714 г. и выходивший трижды в неделю, а затем вновь восстановленный как еженедельник и в таком режиме выходящий с 1828 г. по сей день. В изначальной версии журнала главными персонажами фигурировали г-н Спектейтор (Очевидец) и члены Клуба Очевидцев, которые так или иначе участвовали в типических событиях современности и их комментировали; в конце XVIII – начале XIX в. все номера первого «Спектейтора» выходили многотомным изданием, которое было весьма популярно и считалось образцом стиля и правильного подхода к жизни.

¹⁴ Лоренс Стерн (1713–1768) – англо-ирландский романист и англиканский священник, автор романов «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» («The Life and Opinions of Tristram Shandy, Gentleman», 1759–1769), «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» («A Sentimental Journey Through France and Italy», 1768), а также проповедей и мемуаров.

венным смущением откладывая том. «Всего лишь «Цецилию», или «Камиллу», или «Белинду»;¹⁵ говоря кратко, всего лишь книгу, в коей явлены величайшие таланты души, наитщательнейше отточенным языком представлены миру глубочайшее знание человеческой природы, великолепнейшие очерки ее во всем разнообразии, живейшие излиянья остроумия и юмора. И однако, будь та же молодая дама занята чтением не подобного произведения, но «Спектейтора», с какой гордостью предъявила бы она книгу и сообщила бы ее название; впрочем, пожалуй, маловероятно, чтобы она увлеклась любым томом объемистого сего издания, коего суть и стиль не оскорбили бы молодую персону, располагающую вкусом: в содержании сих страниц с неумеренной частотою обнаруживаются невероятные обстоятельства, неестественные характеры и предметы бесед, никого из живых более не волнующие; кроме того, слог их нередко столь груб, что не делает чести эпохе, способной подобный язык терпеть.

---

¹⁵ «Цецилия, или Воспоминания наследницы» («Cecilia: Or, Memoirs of an Heiress», 1782) и «Камилла, или Воплощенная юность» («Camilla: Or, A Picture of Youth», 1796) – романы английской писательницы Фрэнсис (Фэнни) Бёрни (в замужестве д'Арблэ, 1752–1840), после смерти более всего прославившейся своими дневниками. «Белинда» («Belinda», 1801) – роман англо-ирландской писательницы Марии Эджуорт (1767–1849).

Глава VI

Нижеизложенная беседа, имевшая место меж подругами однажды утром в бювете, после восьми или девяти дней знакомства, приводится как образчик горячей их взаимной симпатии, а равно тонкости, благоразумья, оригинальности мышления и литературного вкуса, каковые отмечали оной симпатии резонность.

Они договорились о встрече; и поскольку Изабелла явилась почти пятью минутами ранее подруги, первая же реплика, естественно, гласила:

– Драгоценнейшее создание, что тебя так задержало? Я жду тебя по меньшей мере вечность!

– Правда? Мне ужасно жаль; а я-то думала, что приду вовремя. Всего лишь час дня. Надеюсь, ты недолго здесь пробыла?

– Ах! Десять столетий, не меньше. Честное слово, уж полчаса. Но теперь пойдем, присядем вон там в углу и станем блаженствовать. Я хотела поведать тебе сотню разных разностей. Во-первых, я так боялась, что утром пойдет дождь, – я как раз собиралась выходить; прямо ливень надвигался, и это бы меня убило! И знаешь, в витрине на Милсом-стрит я вот только что видела наикрасивейшую в мире шляпку – очень похожа на твою, только ленты маковые, а не зеленые; жизнь бы за нее отдала. Но, драгоценная моя Кэтрин, чем

ты нынче занималась? Читала ли дальше «Удольфские тайны»?¹⁶

– Да, стала читать, едва проснулась; я уже добралась до черной вуали.

– Ой, правда? Как прелестно! Ах! Ни за что на свете не скажу тебе, что под черной вуалью! Тебе же страсть как хочется знать, а?

– О, ну еще бы, очень – что бы это могло быть? Только не говори – ни за что на свете слушать не хочу. Наверняка скелет; я уверена, – там скелет Лаурентины¹⁷. О, я в восторге от этой книги. Уверяю тебя, если б не встреча с тобою, я бы ни за что с нею не рассталась.

– Драгоценное создание! Как я тебе признательна; а когда дочитаешь «Удольфские тайны», мы вместе прочтем «Итальянца»;¹⁸ и я составила для тебя список – еще десяток романов, а то и дюжина.

– Честно? Ой, как я рада! Какие же?

– Одну минуту, я зачту; вот они у меня в памятной книжке. «Замок Вулфенбах», «Клермонт», «Таинственные предо-

---

¹⁶ «Удольфские тайны» («The Mysteries of Udolpho», 1794) – готический роман английской писательницы Энн Рэдклифф (1764–1823).

¹⁷ Имеется в виду леди Лаурентини, которая таинственно пропала в Удольфском замке; впоследствии главная героиня выясняет, что леди Лаурентини не мертва, как предполагалось, но много лет прожила в монастыре под именем Агнес.

¹⁸ «Итальянец, или Тайна одной исповеди» («The Italian, or the Confessional of the Black Penitents», 1797) – готический роман Энн Рэдклифф.

стережения», «Некромант из Черного леса», «Полуночный колокол», «Рейнский сирота» и «Жуткие тайны»¹⁹. На семь некоторое время продержимся.

— Да, и весьма неплохо; но все ли они жуткие — ты уверена, что они жуткие?

— О да, вполне; ибо моя близкая подруга, некая юная госпожа Эндрюс — прелестная девушка, одно из прелестнейших созданий на земле — их все прочла. Хорошо бы тебе позна-

---

¹⁹ «Замок Вулфенбах» («Castle of Wolfenbach», 1793) — готический роман Элайзы Парсонз (1740 или 1748–1811), написавшей более 60 томов, дабы содержать себя и своих детей после смерти мужа. «Клермонт: повесть» («Clermont: a Tale», 1798) — произведение ирландской писательницы Реджайны Марии Рош (1764–1845), ее единственный подлинно готический роман. «Таинственные предостережения: германская повесть» («The Mysterious Warning, a German Tale», 1796) — готический роман Элайзы Парсонз. «Некромант, или Повесть Черного Леса, основанная на фактах; переведено с немецкого Лоренса [Людвига] Фламменберга Петером Тойтхолдом» («The Necromancer; or, The Tale of the Black Forest, Founded on Facts: Translated from the German of Lawrence Flammenberg by Peter Teuthold», 1794) — роман Карла Фридриха Калерта, написанный под псевдонимом; британский писатель и исследователь Майкл Сэдлер (1888–1957) полагает, что этот роман, если и происходит из Германии в действительности, является не «адаптированной антологией легенд Черного леса», а неполным переводом одного произведения. «Полуночный колокол. Германская история, основанная на событиях из реальной жизни» («The Midnight Bell. A German Story, Founded On Incidents in Real Life», 1798) — готический роман английского писателя и драматурга Фрэнсиса Лэтома (1774–1832). «Рейнский сирота. Роман» («The Orphan of the Rhine. A Romance», 1798) — роман английской писательницы Элинор Слит. «Жуткие тайны. Повесть с немецкого маркиза Гросса» («The Horrid Mysteries. A Story From the German Of The Marquis Of Grosse», 1796) — роман немецкого писателя Карла Гросса «Der Genius», переведенный на английский лютеранским священником Петером Виллем.

комиться с юной госпожою Эндрюс – ты бы ее полюбила. Она вяжет себе прелестнейшую в мире накидку. Мне представляется, она прекрасна, как ангел, и я ужасно злюсь, когда мужчины ею не восхищаются! Потрясающе их за это браню.

– Бранишь! Ты бранишь их за то, что они не восхищаются ею?

– Ну да. Я бы все на свете сделала для тех, кто мне поистине друг. Любить человека наполовину – это не по мне; натура не позволяет. Мои привязанности всегда непомерны. Зимой я как-то сказала капитану Ханту на балу, что раз он меня дразнит, я не буду с ним танцевать, – или же пускай признает, что юная госпожа Эндрюс красотой подобна ангелу. Мужчины, видишь ли, думают, будто мы не способны на истинную дружбу, – так я им докажу, что они ошибаются. Услышь я, как некто пренебрежительно отзывается о тебе, я бы тут же взбеленилась; но сие очень маловероятно, ибо *ты* из тех девушек, что средь мужчин пользуются великим успехом.

– Ох батюшки! – краснея, вскричала Кэтрин. – Отчего ты так говоришь?

– Я хорошо тебя знаю; ты такая живая – как раз сего и недостает юной госпоже Эндрюс, ибо, должна признать, имеется в ней этакая потрясающая пресность. Ах! Надо тебе рассказать: вчера, едва мы расстались, я видела, сколь пылко взирал на тебя некий молодой человек, – я уверена, он в тебя влюблен. – Кэтрин покраснела и вновь возмутилась. Изабел-

ла отвечала со смехом: – Истинная правда, клянусь тебе, но я разумею, как обстоит дело: ты равнодушна к восхищению любого, кроме того единственного джентльмена, коему надлежит остаться безымянным. Нет-нет, я не могу тебя упрекнуть, – заговорила она серьезнее, – чувства твои совершенно понятны. Когда сердце воистину полонено, я знаю, сколь мало удовольствия даруют знаки вниманья всех прочих. Все, что не касается возлюбленного предмета, – такое унылое, такое неинтересное! Я абсолютно постигаю твои чувства.

– Но тебе не следует понуждать меня столько думать о господине Тилни – может, я его больше и вовсе не увижу.

– Не увидишь! Драгоценнейшее созданье, не говори такого. Я уверена, мысли об этом разбивают тебе сердце.

– Да нет, вовсе нет. Я не притворяюсь, будто он не доставил мне великой радости; но пока не дочитаны «Удольфские тайны», пожалуй, никто не сможет разбить мне сердце. Ах! Устрашающая черная вуаль! Милая моя Изабелла, я уверена, за ним наверняка таится скелет Лаурентины.

– Так странно, что ты прежде не читала «Тайн»; но, полагаю, госпожа Морлэнд возражает против романов.

– Отнюдь нет. Она и сама то и дело читает «Сэра Чарлза Грандисона»;²⁰ однако новые книги к нам попадают редко.

– «Сэр Чарлз Грандисон»! Потрясающая книга, такая жуткая, правда? Помнится, юная госпожа Эндрюс и первого

---

²⁰ «История сэра Чарлза Грандисона» («The History of Sir Charles Grandison», 1753) – эпистолярный роман Сэмюэла Ричардсона.

тома не одолела.

– На «Удольфские тайны» совсем не похожа и все-таки, по-моему, очень увлекательная.

– Ты так думаешь? Удивительно; я думала, ее совершенно невозможно прочесть. Но, драгоценная моя Кэтрин, знаешь ли ты уже, что сегодня надеть на голову? Я полна решимости во всех собраниях одеваться в точности как ты. Мужчины, знаешь ли, такое порой замечают.

– Если и замечают, сие незаметно, – весьма невинно отметила Кэтрин.

– Незаметно! Ах, Господи! Я взяла за правило никогда не обращать вниманья на их слова. Зачастую мужчины потрясающе дерзки, если не выказывать бойкости и не держать их на расстоянии.

– Правда? Ну, ничего такого я не замечала. Со мной они всегда очень милы.

– Ой, это они притворяются. Самые надменные создания на земле, и притом мнят себя такими важными! Кстати говоря, я столько раз хотела спросить, но все забывала – какие мужчины тебе нравятся больше? Ты больше любишь светлых или смуглых?

– Даже не знаю. Никогда особо не задумывалась. Пожалуй, нечто среднее. Не бледных и... и не очень смуглых.

– Замечательно, Кэтрин. Я его узнаю. Я помню, как ты описывала господина Тилни, – «смуглая кожа, темные глаза и довольно темные волосы». Что ж, у меня иные вкусы. Я

предпочитаю светлые глаза, а что до обличья – ну, знаешь... бледные мне нравятся больше всех. Не выдай меня, если среди твоих знакомцев обнаружишь того, кто с сим портретом схож.

– Выдать! О чем ты?

– Нет-нет, не расстраивай меня. Мне чудится, я и так чересчур много разболтала. Давай оставим эту тему.

В некотором изумлении Кэтрин подчинилась и, несколько мгновений помолчав, уже собралась было вернуться к вопросу, кой в ту минуту интересовал ее более всего на свете, – скелету Лаурентины, – однако Изабелла предотвратила сие, молвив:

– Ради Бога, давай уйдем из этого угла. Два мерзких юноши, знаешь ли, глазют на меня уже полчаса. Меня это выводит из себя, честное слово. Пойдем поглядим, кто сюда приходил. Вряд ли они пойдут за нами.

Юные девы направились к учетной книге; и пока Изабелла прочитывала имена, Кэтрин надлежало следить за передвиженьями пугающих молодых людей.

– Они же не идут сюда, правда? Надеюсь, они не настолько дерзки и за нами не последуют. Прошу тебя, скажи, если они приближаются. Я ни за что не подыму головы.

Спустя краткое время Кэтрин с непритворным удовольствием сообщила, что Изабелле не нужно более нервничать, ибо джентльмены покинули буюет.

– А куда они пошли? – спросила Изабелла, стремительно

оборачиваясь. — Один из них был весьма симпатичен.

— К церковному двору.

— Что ж, я потрясающе рада, что от них избавилась! Давай сходим в Эдгарз-билдингз, я покажу тебе мою новую шляпку? Ты же говорила, что хочешь взглянуть.

Кэтрин охотно согласилась.

— Вот только, — прибавила она, — мы, наверное, догоним этих молодых людей.

— Ой, да не переживай. Мы их тут же обгоним, если поспешим, а мне до смерти хочется показать тебе шляпку.

— Но нам вовсе не грозит встреча с ними, если обождем всего несколько минут.

— Я не окажу им такой любезности, уверяю тебя. Я совершенно не желаю выказывать мужчинам подобное уважение. *Так* их только избалуешь.

На сии резоны Кэтрин нечего было возразить; и посему, дабы явить независимость юной г-жи Торп и ее решимость унижить сильный пол, девы тотчас со всей возможной быстротою устремились вослед двум молодым людям.

Глава VII

За полминуты они одолели двор бьюета и приблизились к арке против Юнион-пэссидж; здесь, однако, движение их застопорилось. Всякий, кто знаком с Батом, припомнит, сколь затруднительно пересечь здесь Чип-стрит; воистину, улица сия обладает до того дерзкой натурою и столь неудачным манером примыкает к большим дорогам на Лондон и Оксфорд, а равно к центральному постоянному двору города, что и дня не проходит, когда собрания дам – сколь важные дела ни гнали бы их вперед, поиски ли сдобы, модистки или же (как в нынешнем случае) молодых людей, – не бывали задержаны на той или же иной стороне экипажами, наездниками либо телегами. Злосчастье сие переживалось и оплакивалось Изабеллой по меньшей мере трижды на дню с самого прибытия в Бат; и ныне она обречена была переживать и оплакивать сие вновь, ибо едва дамы появились против Юнион-пэссидж и узрели двух джентльменов, кои лавировали в толпе и пробирались по канавам занимательного сего переулка, дорогу перегородила подъехавшая двуколка, по разбитой дороге ведомая на редкость умелым, по виду судя, возницей со всею страстью, коя способна весьма успешно подвергнуть опасности жизнь его самого, его спутника, а равно его жеребца.

– Ах, эти гнусные двуколки! – молвила Изабелла, вздернув голову. – Как я их ненавижу. – Впрочем, столь правед-

ная сия неприязнь прожила недолго, ибо Изабелла взгляделась и воскликнула: — Какая прелесть! Господин Морлэнд и мой брат!

— Батюшки! Это же Джеймс! — одновременно с нею молвила Кэтрин; и, едва девы поймали взгляд молодых людей, жеребец был тотчас остановлен с яростью, коя чуть не усадила животное на круп, — и вот уже мчится слуга, джентльмены выскакивают, и экипаж препоручается лакейским заботам.

Кэтрин, коя подобного столкновенья никак не ждала, приветствовала брата с живейшим удовольствием; он же, обладая весьма приятным нравом и будучи искренне привязан к сестре, явил все возможные доказательства равного удовлетворенья, какие только успевал, ибо ясные глаза юной г-жи Торп беспрестанно притягивали его внимание; оной деве долг вежливости был уплачен споро, со смесью радости и смущенья, кои сообщили бы Кэтрин — будь она опытнее в чужих сердечных делах и не столь увлечена собственными, — что брат полагает Изабеллу столь же красивой, сколь ее почитает сама Кэтрин.

Джон Торп, распорядившийся тем временем касательно жеребца, вскоре приблизился, и от него Кэтрин получила все, что ей причиталось; ибо он, хотя всего лишь небрежно и легонько коснулся руки Изабеллы, подругу сестры удостоил полным расшаркиваньем и половиной кивка. Был он полноватым молодым человеком среднего роста, лицом невзрачен, силуэтом неизящен и будто страшился, что покажется чрез-

мерно красивым, если не нарядится конюхом, и чрезмерно благородным, если не явит непринужденность, когда положение требует любезности, и дерзость – когда ему дозволена непринужденность. Он извлек часы:

– Как полагаете, сколько мы ехали из Тетбери, госпожа Морлэнд?

– Я не знаю расстоянья.

Брат сообщил Кэтрин, что до Тетбери – двадцать три мили.

– Двадцать *три* мили! – вскричал Торп. – Двадцать пять, и ни дюймою меньше. – Морлэнд возразил, сослался на авторитет путевого справочника, дорожных вех и придорожных трактирщиков; однако друг все их отверг; у него имелось мерило понадежнее. – Я знаю, что наверняка двадцать пять, – рек он, – ибо сужу по времени, кое мы потратили. Сейчас половина второго; мы отбыли с постоянного двора в Тетбери, когда городские часы пробили одиннадцать; и я готов бросить вызов любому в Англии, кто скажет, будто жеребец мой бежит в упряжи менее десяти миль в час; таким образом, выходит ровно двадцать пять.

– Вы недосчитались часа, – возразил Морлэнд. – Из Тетбери мы выехали всего лишь в десять.

– Десять! Одиннадцать, клянусь! Я счел каждый удар. Этот ваш брат, госпожа Морлэнд, такой спорщик – с ума сойдешь; но взгляните на жеребца; это животное создано для скорости – видали ль вы подобных? – Слуга, забравшись в

экипаж, как раз отъезжал. – Чистокровнейшая животина! Три с половиной часа – и покрыть всего двадцать три мили! Взгляните на сие создание и допустите подобное, если можете.

– Он *и впрямь* взмылен.

– Взмылен! Он до Уолкотской церкви домчался глазом не моргнув; но взгляните на его грудь; взгляните на ляжки; вы только посмотрите, как он движется; этот конь *не может* покрывать меньше десяти миль в час; свяжите ему ноги, и он помчится себе дальше. Что скажете о моей двуколке, госпожа Морлэнд? Отличная, а? Отличная посадка, в Лондоне строили; и месяца не прошло, как я ее купил. Ее соорудили для одного господина из Крайстчёрча²¹, друга моего, очень славного парня; гонял двуколку несколько недель, а затем, я так понял, ему пришла пора от нее избавляться. По случайности я тогда и сам искал нечто подобное, эдакую легкую штучку, хотя я, надо заметить, вполне остановился уже на кюррикеле; но встретил этого друга на мосту Магдалины – парень в Оксфорд ехал, в прошлом семестре это было. «О, Торп, – говорит, – а такую штучку ты случайно не хочешь? Превосходнейший экипаж, но я от него до смерти устал». – «Ох ты ч...! – говорю. – С дорогой душою. Сколько просишь?» И сколько, по-вашему, он запросил, госпожа Морлэнд?

---

²¹ Крайстчёрч – один из крупнейших аристократических колледжей Оксфордского университета, основанный в 1525 г.

– У меня не имеется ни малейших догадок.

– Посадка, точно у кюррикеля, видите; сиденье, багаж, ящик для тростей, щитки, фонари, посеребренная отделка – все на месте, изволите ли узреть; рама как новенькая или даже лучше. Он запросил пятьдесят гиней; я с ним тотчас уговорился, раскошелился – и экипаж мой.

– Ну, – сказала Кэтрин, – я столь мало разумею в подобных вещах, что и сказать не могу, дешево это или же наоборот.

– Ни то ни другое; я так думаю, можно было бы и подешевле его заполучить; но торговаться я ненавижу, а бедняге Фримэну зандобилась наличность.

– Очень добрый поступок с вашей стороны, – с немалым удовольствием заметила Кэтрин.

– Ох, ч...! Я жмотничать не буду, коли имеются средства поступить по-доброму.

Далее последовали расспросы о дальнейших перемещениях юных дев; и, выяснив, куда те направляются, джентльмены решили сопроводить их в Эдгарз-билдингз и навестить г-жу Торп. Джеймс и Изабелла зашагали первыми; и столь довольна была последняя своим жребием, столь ублаготворенно старалась одарить приятной прогулкой того, кто обладал двойными козырями, будучи другом ее брата и братом ее подруги, столь чисты и бесхитростны были ее чувства, что, хотя на Милсом-стрит они нагнали и миновали двух возмутительных молодых людей, она была крайне далека от жела-

нья привлечь их внимание и оглянулась всего трижды.

Джон Торп, разумеется, шел с Кэтрин и спустя несколько безгласных минут вернулся к рассуждениям о своей двуколке.

– Да будет вам, впрочем, известно, госпожа Морлэнд, что некоторые бы сочли, будто это дешево, ибо на завтра я мог продать ее с наваром в десять гиней; Джексон из Ориэла²² мигом предложил мне шестьдесят; Морлэнд сам слышал.

– Да, – согласился Морлэнд, сие уловивший, – но вы забываете, что он имел в виду приобрести и вашего жеребца.

– Моего жеребца! Ох, ч...! Жеребца я и за сотню не продам. Любите открытые экипажи, госпожа Морлэнд?

– Да, очень; мне едва ли выпадал случай в них покататься; но я ужасно их люблю.

– Я сему рад; стану катать вас каждый день.

– Благодарю, – отвечала Кэтрин в некотором смятении, ибо сомневалась, прилично ли соглашаться на подобное предложение.

– Завтра отвезу вас на холм Лэнсдаун.

– Благодарю, но разве жеребцу вашему не потребен отдых?

– Отдых! Он сегодня прошел каких-то двадцать три мили; ерунда; для лошадей нет ничего хуже отдыха; ничто не истощает их так скоро. Нет-нет; здесь моя животиная станет бегать по четыре часа в день.

---

²² Ориэл – колледж Оксфордского университета, основанный в 1326 г.

– Неужели? – очень серьезно вскричала Кэтрин. – Это же сорок миль.

– Сорок! Ой, да хоть бы и все пятьдесят. Итак, завтра я прокачу вас на Лэнсдаун; имейте в виду, мы уговорились.

– Какой восторг! – обернувшись, вскричала Изабелла. – Драгоценнейшая моя Кэтрин, я немало тебе завидую; но боюсь, братец, для третьего пассажира у тебя места не найдется.

– Да какой уж третий! Нет-нет; я приехал в Бат не для того, чтобы катать сестер; тот еще вышел бы анекдотец, ей-ей! Пускай Морлэнд о тебе заботится.

Сие побудило первую пару к обмену любезностями, но Кэтрин не уловила ни подробностей, ни итога. Беседа спутника ее ныне сверглась с высот оживленной риторики к решительным и кратким вердиктам – похвалам или же порицаньям – касательно лица всякой встречной дамы; и Кэтрин, послушав и посоглашавшись, сколь имела сил, со всею возможной любезностью и пиететом юной женской души, трепеща от страха навредить себе в глазах столь самоуверенного человека возраженьями, особенно когда речь шла о красоте женского пола, в конце концов рискнула сменить тему и задать вопрос, кой давно уже волновал ее более всех прочих, а именно:

– Читали ль вы «Удольфские тайны», господин Торп?

– «Удольфские тайны»! Боже всемогущий! Ну уж нет; я никогда не чту романов; мне и без того есть чем заняться.

Кэтрин, униженная и пристыженная, собралась было извиниться за свой вопрос, но сего г-н Торп не допустил, продолжив:

– Романы полны глупостей и чепухи; ни одного прилично-го не публиковалось после «Тома Джонса» – разве что «Монах»²³, я его на днях прочел; но что до прочих, на свете не бывало ничего скудоумнее.

– Мне кажется, вам бы непременно понравились «Удольфские тайны»; они весьма интересны.

– Ну уж нет, ей-ей! Нет-с, я стану читать разве что гос-пожу Рэдклифф; ее романы весьма занимательны, их стоит прочесть – вот *они* и забавны, и естественны.

– «Удольфские тайны» и написала госпожа Рэдклифф, – сказала Кэтрин, помявшись, ибо опасалась его обидеть.

– Не уверен; правда? Ах да, я припоминаю, и в самом деле; перепутал их с другой глупой книжкой, ее еще написала эта дама, вокруг которой нынче шум, – та, что вышла за французского эмигранта.

– Вы, должно быть, о «Камилле»?

– Да-да, о ней-то я и говорю; на редкость чудовищная вещь! Старик качается на доске! Я как-то раскрыл первый том и проглядел, но вскоре понял, что дело не заладится; во-

---

²³ «История Тома Джонса, найденныша» («The History of Tom Jones, a Foundling», 1749) – книга английского писателя и драматурга Генри Филдинга (1707–1754), роман воспитания, написанный в ироническом ключе. «Монах» («The Monk», 1796) – готический роман Мэтью Грегори Льюиса (1775–1818) о падении некогда праведного монаха.

обще-то я догадался, что увижу, еще прежде, чем раскрыл; я как услышал, что она вышла за эмигранта, сразу сообразил, что дочесть ни за что не смогу.

— Я вовсе ее не читала.

— И ничего не потеряли, уверяю вас; жутчайшая чепуха на земле; там и нет ничего, только вот старик качается на доске и зубрит латынь; право слово, более ничего там и нету²⁴.

Сей критический отзыв, коего праведность, увы, не была прочувствована бедняжкой Кэтрин, завершился у дверей обиталища г-жи Торп; и при встрече с одной г-жою, углядевшей их сверху, проницательный и непредубежденный читатель «Камиллы» обернулся почтительным и нежным сыном.

— А, мамаша! Как делишки? — молвил он, от всей души потрясая ей руку. — Где вы добыли это издевательство, кое у вас нынче на голове? В этой шляпе вы смахиваете на старую ведьму. Мы с Морлэндом пару дней поживем у вас, так что найдите нам где-нибудь поблизости ночлег.

Сия тирада, по видимости, утолила все потаеннейшие желанья материнского сердца, ибо г-жа Торп приветствовала сына в восторге и ликованьи. Засим г-н Торп уделил равную долю братского вниманья двум младшим сестрам, осведомившись, как у оных делишки, и отметив, что обе смот-

---

²⁴ В начале романа Фэнни Бёрни «Камилла» незадачливый сэр Хью Тайролд качается на доске с племянницей Юджинией на коленях и нечаянно роняет девочку; впоследствии, дабы загладить вину, он делает ее своей наследницей. Среди прочих его свойств отмечалась склонность учить латынь ради самообразования и без малейшего успеха.

рятся записными уродинами.

Манеры г-на Торпа не согрели Кэтрин душу; однако он был другом Джеймса и братом Изабеллы, и вдобавок от упреков Кэтрин ее подруга откупилась, уверив гостью, едва они вдвоем удалились созерцать шляпку, что Джон полагает свою новую знакомицу очаровательнейшей девушкой на свете, а сам Джон – пред расставаньем взяв с Кэтрин слово танцевать с ним ввечеру. Будь Кэтрин старше или же тщеславнее, подобный штурм впечатленья бы не произвел; но когда сплетаются юность и робость, потребна необычайная крепость рассудка, дабы устоять пред соблазном, каковой являют собою объявление тебя очаровательнейшей девушкой на свете и столь ревностное приглашение к танцам; посему, когда брат и сестра Морлэнд, час просидев с семейством Торп, направились к г-ну Аллену и Джеймсу, едва за ними закрылась дверь, спросил:

– Ну, Кэтрин, как тебе понравился друг мой Торп? – она, вместо того чтобы ответить, как, вероятно, поступила бы, не будь в сем замешаны дружба и лесть, «мне он не понравился вовсе», откликнулась тотчас:

– Очень понравился; мне кажется, он очень приятный.

– На земле не бывало человека благодуще; отчасти болтун; однако, представляется мне, вашему полу такое по душе; а прочие его родные как тебе нравятся?

– Очень, очень; особенно Изабелла.

– Я ужасно рад сие слышать; она из тех молодых дам, коих

я хотел бы видеть средь твоих подруг; столь здравая, столь обаятельная, настолько лишена жеманства; я всегда хотел, чтобы вы познакомились; и она, похоже, очень к тебе привязана. Превозносит тебя до небес; а похвалою такой девушки, как юная госпожа Торп, даже ты, Кэтрин, – нежно взяв ее за руку, – можешь гордиться.

– И я горжусь, – отвечала она. – Я люблю ее несказанно и счастлива, что тебе она тоже нравится. После твоего гостеванья у них ты в письмах почти о ней не поминал.

– Ибо думал, что вскоре тебя увижу. Надеюсь, вы будете дружить, пока ты в Бате. Она обаятельнейшая девушка; и какой развитой ум! Как любят ее родные; она, бесспорно, всеобщая любимица; и как восхищаются ею в сем городе, не так ли?

– О да, мне кажется, очень восхищаются; господин Аллен считает, что она красивейшая девушка в Бате.

– Ну еще бы; а я не знаю лучшего судии красоте, нежели господин Аллен. Не стоит вопрошать, счастлива ли ты здесь, милая моя Кэтрин; с такой спутницей и подругой, как Изабелла Торп, ты не можешь быть несчастна; Аллены, я уверен, очень к тебе добры?

– Да, очень добры; я в жизни не была так счастлива; а теперь, раз ты приехал, счастливее и быть не могу; какой ты добрый – приехать в такую даль, дабы увидеться со мной.

Джеймс принял сей дар благодарности и очистил совесть, молвив абсолютно искренне:

– Я правда очень тебя люблю, Кэтрин.

Расспросы и рассказы о братьях и сестрах, о положении одних, взрослении других и о прочих семейных делах имели место меж ними далее и продолжались – не считая единственного краткого отвлечения Джеймса на похвалы юной г-же Торп, – пока брат с сестрою не достигли Палтни-стрит, где с великим радушием приняты были г-ном и г-жою Аллен: первый пригласил их отобедать, а вторая предложила угадать стоимость и оценить достоинства новых муфты и палантина. Прежнее обещание быть в Эдгарз-билдингз помешало Джеймсу принять приглашение одного друга и понудило спешить, едва удовлетворив требования другой. Едва приемлемым манером уговорено было о встрече с семейством Торп в Восьмиугольной зале, Кэтрин предалась роскоши вдохновенных, неустанных и пугливых фантазий над страницами «Удольфских тайн» – избавленная от земных тягот облачения и трапезы, неспособная утишить тревоги г-жи Аллен касательно опоздания ожидавшейся портнихи и находившая разве что минуту в час, дабы поразмыслить о собственном блаженстве, ибо на вечер она уже располагала партнером.

Глава VIII

Невзирая на «Удольфские тайны» и портниху, собрание с Палтни-стрит очень своевременно достигло «Верхних зал». Семейство Торп и Джеймс Морлэнд прибыли всего двумя минутами ранее; и едва Изабелла свершила обычный церемониал встречи с подругою, поспешая при сем манером весьма улыбчивым и нежным, восхитилась покроем ее платья и позавидовала ее локонам, юные девы под руку зашагали вслед за своими дуэньями, перешептываясь, едва в голову приходила мысль, и заменяя бурление идей пожатьем руки или приветливой улыбкою.

Они уселись; спустя считанные минуты начались танцы; и Джеймс, кой уговорился с Изабеллой не позже, чем Торп с Кэтрин, весьма настойчиво призывал партнершу танцевать; однако Джон отправился в карточный салон перемолвиться словом с приятелем, и ничто, объявила его сестра, не понудит ее танцевать, пока сие недоступно ее драгоценной Кэтрин.

— Уверяю вас, — молвила она, — я ни за что на свете не пойду танцевать без вашей драгоценной сестры; иначе мы с нею непременно разлучимся на весь вечер.

Кэтрин приняла эдакую доброту с благодарностью, и они просидели еще три минуты; затем Изабелла, коя беседовала с Джеймсом, сидя меж ним и его сестрою, вновь повернулась

к последней и прошептала:

– Драгоценное создание, боюсь, я вынуждена тебя покинуть – твоему брату потрясюще не терпится начать; я знаю, ты не обидишься; я думаю, Джон через минуту вернется, и ты с легкостью меня разыщешь.

Кэтрин слегка расстроилась, однако избыток благодушья не позволил ей возразить; Джеймс и Изабелла встали; юная г-жа Торп лишь успела сжать подруге руку со словами:

– До свиданья, драгоценнейшая моя любовь, – и засим они поспешили прочь. Младшие сестры Изабеллы тоже танцевали, и посему Кэтрин оставлена была на милость г-жи Торп и г-жи Аллен, меж коими юная дева ныне и пребывала. Разумеется, она досадовала на непоявление г-на Торпа, ибо не только жаждала потанцевать, но притом сознавала, что, поскольку истинное достоинство ее положенья никому не ведомо, она делит позор недостачи партнера с десятками других сидящих юных дам. Быть опороченной в глазах всего света, являть видимость бесславья, когда сердце чисто, поступки невинны, а подлинный исток поруганья кроется в неподобающем поведении другого, – сие одно из тех обстоятельств, что особо присущи героической жизни, и стойкость героини в страданиях весьма облагораживает ее дух. Кэтрин тоже обладала стойкостью; она страдала, но ни шепота не проронили ее уста.

Из сего униженья ее по прошествии десяти минут вознесло переживание поприятнее, ибо в трех ярдах от себя она

узрела не г-на Торпа, но г-на Тилни; тот, очевидно, направлялся к дамам, но Кэтрин не замечал, и посему улыбка ее и румянец, пробужденные к жизни внезапным его появлением, миновали, не замарав героической ее весомости. Г-н Тилни был все так же красив и оживлен; он увлеченно беседовал с изысканной и миловидной юной дамою, коя опиралась на его руку и в коей Кэтрин тотчас определила его сестру, тем самым бездумно отбросив законную возможность предположить, будто он потерян для нее навсегда, ибо женат. Нет, ею водительствовало лишь простое и вероятное: ей и в голову не приходило, что г-н Тилни может быть связан узами брака; он не вел себя и не говорил, как женатые мужчины, к коим привыкла Кэтрин, никогда не поминал жены, но говорил о сестре. Эти посылки мгновенно породили заключение, что подле г-на Тилни пребывает сестра; и вместо того чтобы побелеть как смерть и в припадке рухнуть на грудь г-же Аллен, Кэтрин выпрямилась, совершенно владея собою, — разве что щеки покраснели самую чуточку больше обычного.

Г-н Тилни и его спутница приближались, хоть и медленно; им предшествовала некая дама, знакомица г-жи Торп; поскольку дама сия остановилась побеседовать, они, ее сопровождая, остановились тоже, и Кэтрин, перехватив взгляд г-на Тилни, тотчас одарена была улыбкою узнавания. Юная дева радостно улыбнулась в ответ; подойдя еще ближе, г-н Тилни приветствовал Кэтрин и г-жу Аллен, коя отвечала ему очень любезно:

– Я бесконечно счастлива увидеть вас вновь, сударь; я боялась, что вы оставили Бат.

За страхи сии он поблагодарил и сообщил, что отбывал на неделю, как раз наутро после того, как имел удовольствие с нею свидеться.

– Что ж, сударь, смею предположить, вам не жаль было возвращаться, ибо здесь молодежи самое место – да и всем прочим тоже. Когда господин Аллен говорит, что от Бата устал до смерти, я ему отвечаю, что ему никак не следует жаловаться, ибо здесь так приятно, гораздо лучше, чем дома в столь скучный сезон. Я говорю, ему немало повезло, раз его послали сюда по болезни.

– И надеюсь, сударыня, что господин Аллен вынужден будет полюбить сей город, обнаружив, сколь оный ему полезен.

– Благодарю вас, сударь. Не сомневаюсь, что так и случится. Наш сосед, доктор Скиннер, по болезни навещал Бат зимою и вернулся очень крепким.

– Обстоятельство это наверняка немало воодушевляет.

– Да, сударь, – и доктор Скиннер с семьею пробыли здесь три месяца; потому я и говорю господину Аллену, что не следует торопиться с отъездом.

Тут их прервала г-жа Торп – она просила г-жу Аллен слегка подвинуться, дабы предоставить место г-же Хьюз и юной г-же Тилни, ибо те согласились присоединиться к дамам. Когда сие свершилось, г-н Тилни по-прежнему стоял перед ними; несколько минут поразмыслив, он пригласил Кэтрин

танцевать. Сей комплимент, хоть и восхитительный, поверг даму в отчаянное огорчение; и, когда Кэтрин ему отказывала, печаль ее столь походила на истинное чувство, что явись г-н Торп, подошедший сразу после, полуминутою раньше, он мог бы заподозрить крайнюю остроту ее страданий. Наинепринужденнейшая манера, в коей г-н Торп поведал Кэтрин, что заставил ее ждать, никоим образом не примирила ее с выпавшим жребием; подробности, в кои он углубился, когда они принялись танцевать, — о лошадях и собаках друга, только что г-ном Торпом оставленного, и о грядущем обмене терьерами, — заинтересовали ее недостаточно; то и дело она поглядывала в тот угол залы, где остался г-н Тилни. Милой своей Изабеллы, коей Кэтрин особо желала указать на сего джентльмена, она не видела вовсе. Они оказались в разных группах. Кэтрин оторвали от спутников, она очутилась вдали от всех знакомцев; одно огорчение следовало за другим, и из событий сих она извлекла полезный урок: если явиться на бал, заранее уговорившись с партнером, сие совершенно необязательно усугубляет достоинство положения или же удовольствие юной девы. От сего поучительного рассуждения ее внезапно отвлекло касанье к плечу, и, обернувшись, Кэтрин узрела г-жу Хьюз в сопровождении юной г-жи Тилни и некоего джентльмена.

— Просту простить, госпожа Морлэнд, — молвила г-жа Хьюз, — за сию вольность, но я не могу разыскать юную госпожу Торп, а ее матушка сказала, что вы, несомненно, не

станете возражать и дозволите сей молодой даме танцевать подле вас.

Вряд ли в зале нашелся бы человек, что согласился бы охотнее Кэтрин. Дамы были друг другу представлены, юная г-жа Тилни оценила подобную доброту, а юная г-жа Морлэнд с подлинной тонкостью щедрой души отмахнулась; г-жа Хьюз возвратилась к своим знакомицам довольная, ибо пристроила подопечную весьма почтенно.

Юная г-жа Тилни обладала хорошей статью, красивым лицом и весьма приятной манерою; обличье ее, хоть и лишнее решительной претенциозности, неколебимого шика юной г-жи Торп, располагало большим подлинным изяществом. Ее поведение выдавало блестящий ум и блестящее воспитанье, она не являла ни застенчивости, ни притворной открытости и, по-видимому, находила в себе силы быть юной, привлекательной и на балу, не желая привлечь к себе внимание всех мужчин окрест и по мельчайшему поводу не выказывая преувеличенного экстатического восторга или же непостижимой досады. Кэтрин, заинтересованная разом ее обликом и родственной связью с г-ном Тилни, сего знакомства желала всей душою и охотно заговаривала всякий раз, когда умела придумать, что сказать, и находила мужество и минуту высказаться. Однако чрезмерно скорому сближению имелась препона, ибо зачастую одно или несколько из потребных условий не выполнялись, и сие не дозволило им продвинуться далее первых ростков знакомства, каковые

взошли, когда та и другая молодая дама узнала, сколь сильно ее визави нравится Бат, сколь она восхищена зданьями и окрестностями, рисует ли она, играет или поет и нравится ли ей кататься верхом.

Едва завершились два танца, Кэтрин ощутила, что локоть ее сжимаем верной Изабеллою, каковая вскричала в немалом воодушевлении:

– Наконец-то я тебя нашла. Драгоценное создание, я ищу тебя уже час. Для чего ты танцуешь здесь, если знаешь, что я там? Я так печалилась без тебя.

– Милая моя Изабелла, как мне было тебя искать? Я тебя даже не видела.

– Я все время так и говорила твоему брату – а он не желал мне поверить. Отправляйтесь, господин Морлэнд, отыщите ее, говорила я, – но все впустую, он не сдвинулся ни на дюйм. Не так ли, господин Морлэнд? Но все вы, мужчины, столь неумеренно ленивы! Я так его бранила, моя драгоценная Кэтрин, – ты бы немало удивилась. Ты же знаешь, я с такими людьми не церемонюсь.

– Видишь вон ту девушку с жемчужным убором? – прошептала Кэтрин, отъедая подругу от Джеймса. – Это сестра господина Тилни.

– Ах! Боже правый! Да неужели! Ну-ка дай я взгляну. Какая восхитительная девушка! В жизни не видала никого и вполтину столь прекрасного! Но где же ее всепобеждающий брат? Он в зале? Если да, укажи мне на него сей же миг. Мне

до смерти хочется посмотреть. Господин Морлэнд, а вы не слушайте. Мы не о вас говорим.

– Но о чем вы там шепчетесь? Что происходит?

– Ну вот, я так и знала. Вы, мужчины, так неугомонно любопытны. А вы говорите, что любопытны женщины! Это еще что. Однако довольствуйтесь тем, что вам о сем знать вовсе не дозволено.

– И вы полагаете, будто сим я могу довольствоваться?

– Ну знаете, я таких людей в жизни не встречала. Что за важность, о чем мы говорим? Может, мы говорим о вас; посему я бы советовала вам не слушать, или же вы рискуете ненароком узнать о себе нечто не вполне приятное.

Сия тривиальная болтовня длилась некоторое время, и первоначальный предмет обсуждения, по видимости, был забыт начисто; Кэтрин весьма обрадовалась, что тема покуда оставлена, однако поневоле смутно заподозрила, что нетерпеливая жажда подруги узреть г-на Тилни совершенно угасла. Когда оркестр грянул новый танец, Джеймс увел бы прелестную партнершу прочь, но та воспротивилась.

– Говорю вам, господин Морлэнд, – вскричала она, – я ни за что на свете так не поступлю. Как можете вы дразнить меня подобным манером; только подумай, драгоценная моя Кэтрин, чего хочет от меня твой брат. Он желает, чтобы я танцевала с ним вновь, хотя я говорю, что сие совершенно не подобает и решительно против правил. Если мы не станем менять партнеров, о нас будет шушукаться вся зала.

– Честное слово, – отвечал Джеймс, – на публичных балах это бывает сплошь и рядом.

– Какая ерунда, что вы такое говорите? Но когда вам, мужчинам, что-нибудь взбредет в голову, вы ни перед чем не отступите. Бесценная моя Кэтрин, поддержи меня; убеди брата, что сие невозможно. Скажи ему, что будешь шокирована, если я так поступлю, – ведь правда?

– Да вовсе нет; но, если ты считаешь, что это нехорошо, лучше поменяй партнера.

– Вот, – вскричала Изабелла, – вы слышите, что говорит сестра, и тем не менее поступаете по-своему. Что ж, помните – сие будет не моя вина, если мы скандализируем всех старух Бата. Приходи, драгоценнейшая моя Кэтрин, ради Бога, потанцуй рядом со мною.

И они удалились на прежние места. Джон Торп тем временем отошел, и Кэтрин, желая дать г-ну Тилни шанс повторить отрадное предложение, кое однажды уже польстило ей, со всей возможной поспешностью устремилась к г-же Аллен и г-же Торп в надежде обнаружить его подле – надежде, коя, обернувшись бесплодной, помстилась юной деве неразумной в высшей степени.

– Ну, моя дорогая, – молвила г-жа Торп, коей не терпелось выслушать похвалы сыну, – надеюсь, у вас был приятный партнер.

– Весьма приятный, сударыня.

– Я сему рада. Джон обворожителен, не правда ли?

– Ты встретила господина Тилни, дорогая? – спросила г-жа Аллен.

– Нет, а где он?

– Минуту назад был здесь и сказал, что ужасно утомился бездельничать и намерен потанцевать; я подумала, возможно, он пригласит тебя, если вы встретитесь.

– Где он может быть? – спросила Кэтрин, озираясь; но озираться пришлось недолго, ибо вскоре она узрела, что он идет танцевать некую юную даму.

– А! У него уже есть партнерша; лучше бы он пригласил *тебя*, – сказала г-жа Аллен и после краткой паузы прибавила: – Он весьма привлекательный молодой человек.

– Это уж точно, госпожа Аллен, – с самодовольной улыбкою подтвердила г-жа Торп. – Должна признаться, хоть я ему и *мать*, на свете не бывало молодого человека привлекательнее.

Сей никудышный ответ многих поставил бы в тупик, но г-жу Аллен не озадачил: спустя какую-то секунду размышлений она шепнула Кэтрин:

– Пожалуй, она решила, будто я говорю о ее сыне.

Кэтрин была огорчена и раздосадована. На самую чуточку разминувшись она с тем, относительно кого лелеяла надежды; и вывод сей не побудил ее к чрезмерно милостивому ответу, когда вскоре к ней приблизился Джон Торп с такими словами:

– Ну-с, госпожа Морлэнд, я так думаю, нам с вами теперь

снова плясать.

– Ах, нет; я весьма признательна вам, наши два танца завершились; и к тому же я устала и более танцевать не хочу.

– Да ну? Что ж, в таком разе давайте погуляем и посмеемся. Пойдемте со мной, я покажу вам четыре величайших посмешища в зале – мои младшие сестры и их партнеры. Я уж полчаса над ними хохочу.

Кэтрин вновь отказалась, и в конце концов г-н Торп устремился насмехаться над сестрами один. Остаток вечера Кэтрин отчаянно скучала; г-н Тилни отделился от их собрания за чаем, дабы присоединиться к знакомцам своей партнерши; юная г-жа Тилни, хоть и осталась, сидела поодаль, а Джеймс и Изабелла так увлеклись беседою, что последняя ни минутки не нашла, дабы уделить подруге более одной улыбки, одного рукопожатья и одного «драгоценнейшая Кэтрин».

Глава IX

Вот как протекало унынье Кэтрин вследствие вечерних событий. Поначалу, когда она пребывала в зале, оно явилось общим неудовольствием касательно всех вокруг, кое вскоре окутало Кэтрин немалой усталостью и яростным желаньем отбыть домой. По прибытии на Палтни-стрит сие обернулось необычайным голодом, а когда оный был утолен, сменилось отчаянным стремленьем очутиться в постели; таков был крайний предел ее горя, ибо оказавшись там, она мгновенно провалилась в глубокий сон, кой продлился девять часов и от коего она пробудилась совершенно ожившая, в великолепном расположеньи духа, полная новых надежд и новых замыслов. Первейшим желаньем сердца ее было укрепление знакомства с юной г-жою Тилни, а почти первейшим решением — искать упомянутую даму в бювете около полудня. С персоною, столь недавно прибывшею в Бат, встреча в бювете неизбежна, а зданье сие Кэтрин уже уразумела столь благоприятным для обнаруженья женского блеска и осуществленья женской дружбы, столь восхитительно пригодным для тайных бесед и безграничной доверительности, что весьма резонно склонна была ожидать явления из стен его еще одной подруги. Наметив себе, таким образом, планы на утро, она после завтрака тихонько уселась с книжкой, решив не менять занятья и местоположенья, пока не пробьет час дня;

и ей, по обыкновению, крайне мало досаждали замечанья и восклицанья г-жи Аллен, чья пустота рассудка и неспособность думать были таковы, что дама сия, хотя никогда помногу не болтала, совершенное молчанье хранить тоже не умела, а посему, за рукодельем теряя иголку или обрывая нитку, слыша экипаж, что проехал по улице, или видя пятнышко на платье, имела потребность сообщить о сем вслух, мог ей кто-либо ответить или же нет. Около половины первого г-жу Аллен спешно призвал к окну замечательно громкий стук, и она едва успела сообщить Кэтрин, что у дверей стоят два открытых экипажа, в первом лишь слуга, а во втором брат ее подопечной катает юную г-жу Торп; засим Джон Торп тотчас взбежал по лестнице, крича:

– Ну-с, госпожа Морлэнд, вот и я. Заждались? Мы не сумели приехать ранее; этот старый дьявол каретник целую вечность подбирал экипаж, в который хоть сесть можно, и теперь десять тысяч против одного, что драндулет сломается и с улицы не выехав. Как делишки, госпожа Аллен? Отменный вчера вышел бал, а? Давайте, госпожа Морлэнд, поторапливайтесь – остальным адски не терпится поехать. Им покувыркаться охота.

– Что вы разумеете? – спросила Кэтрин. – Куда вы все собрались?

– Собрались? Это что, вы же не забыли наш уговор? Мы ведь договорились нынче утром вместе покататься? Ну и дырявая у вас голова! Мы едем на Клавертондаун.

– Я припоминаю, что об этом заходила речь, – сказала Кэтрин, глядя на г-жу Аллен и взыскуя ее мнения, – но вообще-то я вас не ждала.

– Не ждали! Ну и шуточки у вас! Нагнали бы вы шороху, если б я не явился.

Кэтрин тем временем безмолвно вопрошала подругу вту-не, ибо г-жа Аллен, вовсе не имея обыкновенья одним только выраженьем лица сообщать что бы то ни было, не подзревала, будто на подобное уменье претендуют другие; и Кэтрин, желанье коей повидать юную г-жу Тилни перенесло бы ныне краткую отсрочку ради прогулки и коя полагала, что в поездке ее с г-ном Торпом никому не помстится ничего неприличного, ибо с ними едут также Изабелла и Джеймс, понуждена была заговорить прямее:

– Ну, сударыня, что вы на сие скажете? Отпустите меня на пару часов? Мне поехать?

– Поступай, как тебе приятнее, моя дорогая, – отвечала г-жа Аллен с наиневозмутимейшим равнодушьем. Кэтрин последовала сему совету и помчалась собираться. Спустя считанные минуты она появилась вновь, еле дозволив двум прочим обменяться парюю кратких похвал ей – после того, как Торп исторг из г-жи Аллен восхищенье его двуколкою, – и, выслушав пожеланья доброго пути, Кэтрин и посетитель заспешили вниз по лестнице.

– Драгоценнейшее создание, – вскричала Изабелла, к коей обязательства дружбы тотчас подвели Кэтрин, прежде чем

последняя уселась в экипаж, — ты собиралась по меньшей мере три часа! Я боялась, не захворала ли ты. Какой восхитительный вчера получился бал. Я тысячу разных разностей хочу тебе рассказать; но поторопись и залезай, ибо я жажду ехать.

Кэтрин исполнила ее повеленье и направилась к двуколке, успев, впрочем, расслышать, как подруга воскликнула, обращаясь к Джеймсу:

— Какая она очаровательная девушка! Я ее просто обожаю.

— Не пугайтесь, госпожа Морлэнд, — сказал Торп, подсаживая ее в двуколку, — если жеребец мой поначалу, когда тронется, слегка потанцует. Он, я так себе представляю, раз другой рванет и, может, потом передохнет минутку; но он уразумеет вскоре, кто тут хозяин. Он у меня жизнерадостный, игривый, как котенок, но совсем не злой.

Кэтрин сочла, что портрет сей особого доверия не внушает, однако отступать было поздно, а молодость не позволяла признать, что ей страшно; посему, отдавшись на волю рока и вручив судьбу свою заявленному разумению животного касательно того, кто тут хозяин, юная дева мирно устроилась в двуколке, а Торп сел подле. Все, таким образом, устроилось, слуге, что стоял подле коня, крайне авторитетно велено было «его отпускать», и они тронулись наитишайшим манером, без рывков, прыжков и без малейшего подобья оных. Кэтрин, в восторге от столь счастливого избавленья, с благодарным удивленьем сообщила о своей радости, и спутник ее

тотчас же прояснил положение, уверив юную деву, что сим она целиком обязана особо уместному способу, коим возница держит поводья, и исключительным проницательности и сноровке, с коими он направляет хлыст. Кэтрин, хоть и озадачилась невольно, для чего, располагая столь полной властью над жеребцом, г-н Торп счел нужным пугать ее описанием конских выходов, искренне поздравила себя с тем, что оказалась под опекою столь блестящего возницы; и узрев, что животное трусит дальше равно тихим манером, не выказывая ни малейшей склонности к какой бы то ни было малоприятной живости и двигаясь (если учесть, что жеребец пробегает неизменные десять миль в час) отнюдь не быстро, Кэтрин, удостоверившись в своей безопасности, отдалась радостям свежего воздуха и значительного воодушевления теплого февральского дня. За первой их краткой беседою последовали несколько минут молчанья; оное было нарушено весьма резким вопросом Торпа:

– Старик Аллен богат, как жид, да? – Кэтрин его не поняла, и Торп повторил вопрос, в пояснение прибавив: – Старик Аллен, этот человек, которого вы сопровождаете.

– А! Господин Аллен. Да, мне представляется, он очень богат.

– И совсем нет детей?

– Нет, ни одного.

– Замечательно подфартило его наследнику. Он же *ваш* крестный, да?

– Мой крестный! Нет.

– Но вы столько времени с ними проводите.

– Да, очень много.

– Да-с, я о том и говорю. Вроде неплохой старичок, и, я так думаю, пожил в свое время вдоволь; подагры просто так не бывает. Теперь бутылку в день заглатывает, а?

– Бутылку в день! Нет. Отчего вы так думаете? Он очень умеренный человек – вы что же, решили вчера, что он пьян?

– Господи спаси! Вот всегда вы, женщины, думаете, будто мужчина пьян. Не полагаете же вы, что мужчину подкосит какая-то бутылка? Уж в *этом* я убежден – если б все выпивали бутылку в день, в мире не случилось бы и половины нынешних беспорядков. Отменно бы всем нам помогло.

– Мне в это не верится.

– Ой, Господи, да это бы тысячи людей спасло. В этом королевстве не выпивается и сотой доли вина, кое надлежит выпивать. Надо бы пособить нашему туманному климату.

– И тем не менее я слышала, будто в Оксфорде вина пьют предостаточно.

– В Оксфорде! В Оксфорде нынче не пьют, уверяю вас. Вообще никто не пьет. Едва ли встретишь человека, что выпивает больше четырех пинт разве что. Вот, к примеру, в последний раз, когда мы закатили вечеринку у меня в апартаментах, все думали, это неслыханно – что мы осушили где-то пять пинт на нос. Все сочли, что это необычайно. *У меня-то* поило доброе, точно вам говорю. В Оксфорде редко

где такое встретишь – может, тем все и объясняется. Но из сего вы уразумеете, сколько по обыкновенью там пьют.

– Да уж, я уразумела, – с жаром отвечала Кэтрин. – Я уразумела, что все вы пьете гораздо больше, чем, по-моему, стоит пить. Однако я уверена, что Джеймс столько не пьет.

Сим заявлением вызван был громкий и неопровержимый отклик, из коего разобрать не удалось ни слова, за вычетом неоднократных восклицаний, едва ли не божбы, коя оный отклик расцвечивала, и по завершении его Кэтрин осталась еще крепче уверена, что в Оксфорде вина пьют много, и по-прежнему счастливо убеждена в сравнительной трезвости брата.

Засим все помыслы Торпа обратились к достоинствам экипажа, и Кэтрин предложено было восхититься живостью и свободой, кои являл жеребец, а равно легкостью, кою бег его, а равно качество рессор придавали движению двуколки. Кэтрин старательно поддерживала его восторги. Превзойти их или же недотянуть оказалось невозможно. Познания Торпа и ее невежество в предмете, бойкость его излияний и ее робость исключали сие совершенно; в похвалах она не в силах была изобрести ничего нового, но охотно поддакивала всему, что он желал заявить, и в конце концов меж ними без малейших затруднений было уговорено, что выезд Торпа – безусловно, совершеннейший образец такового в Англии, экипаж его – роскошнейший, жеребец – наистремительнейший, а сам он – лучший возница.

– Вы же не всерьез сказали, господин Торп, – молвила Кэтрин, спустя время отважно сочтя, что вопрос абсолютно решен, и предложив некоторую вариацию на ту же тему, – что двуколка Джеймса сломается?

– Сломается! Боже правый! Вы хоть раз в жизни встречали подобную развалюху? Да в ней ни единой целой железки нет. Колеса стерлись лет десять назад – а корпус? Да вы одним касаньем ее на куски развалите, ей-ей. Самая шаткая, к дьяволу, колымага, какую я только видал! Слава богу, у нас получше. Меня и за пятьдесят тысяч фунтов не уговоришь две мили проехать в их драндулете.

– Ох, батюшки! – вскричала Кэтрин, немало перепугавшись. – В таком случае, умоляю вас, повернемте назад; если мы поедем дальше, они непременно пострадают. Прошу вас, вернемтесь, господин Торп; остановитесь, поговорите с моим братом, расскажите ему, какая опасность им грозит.

– Опасность! О Господи! Да в чем беда? Ну, сломается – кувyrнутся слегка, и все; грязи вокруг полно; плюхнутся весьма удачно. Ой, да ну их! Вполне крепкий экипаж, если сумеешь, как им управлять; такая колымага в хороших руках износится довольно, а потом еще двадцать лет прослужит. Да Боже мой! Я бы взялся за пять фунтов сгонять на нем в Йорк и обратно, не потеряв и гвоздя.

Кэтрин слушала в изумлении, не зная, как примирить два столь различных описанья одного предмета; воспитанье не позволяло ей постичь наклонности болтуна, а равно по-

нять, сколь многочисленны пустые утверждения и бесстыдные враки, порожденные избытком тщеславья. Ее родные людьми были простыми и прозаичными и редко претендовали на любого рода остроумье; отец ее довольствовался разве что каламбуром, мать — поговоркою; за родителями не водилось привычки лгать, дабы придать себе веса, или утверждать то, что спустя минуту сами же опровергнут. В глубокой растерянности Кэтрин некоторое время обдумывала сию загадку и не раз едва не попросила г-на Торпа внятнее высказать его подлинное представление о предмете, однако воздержалась, ибо сочла, что ему не слишком даются внятные представления и прояснение того, что прежде он окутал двусмысленностью; равно остановило ее соображение, что на самом деле он не стал бы подвергать ее брата и собственную сестру опасности, от коей с легкостью мог бы их избавить, и в конце концов Кэтрин заключила, что он, вероятно, полагает экипаж совершенно надежным, а посему более не волновалась. Сам Торп сию беседу, по видимости, начисто забыл и весь остаток разговора, а точнее, выступленья начал и завершил самим собою и своими заботами. Он поведал спутнице о лошадях, коих приобрел за гроши и сбыл за невероятные суммы; о скачках, где суждение его безошибочно предсказывало победителя; об охоте, где он подстрелил больше птиц (хотя удачная позиция не выпала ни разу), чем все его товарищи вместе взятые; и описал некую отменную травлю паратыми гончими, в коей его предвиденье и умение

в управлении собаками исправило ошибки наиопытнейшего охотника, а отвага верховой езды, ни на миг не подвергнув его собственную жизнь риску, то и дело ставила препоны остальным, а посему, безмятежно подытожил он, многие тогда сломали шею.

Сколь мало ни была Кэтрин склонна судить и сколь смутны ни были ее представления о том, каким надлежит быть мужчине, ей, пока она терпела излишня бескрайнего Торпова самодовольства, не удалось вовсе подавить подозрение, что он не вполне совершенно приятен. То была дерзкая догадка, ибо он приходился братом Изабелле, а Джеймс уверял Кэтрин, что манеры его друга понравятся любой женщине; но невзирая на все это, крайняя скука его общества, коя поглотила ее до истечения первого часа и неуклонно усугублялась, пока они не остановились вновь на Палтни-стрит, побудила Кэтрин в некоей крошечной степени воспротивиться столь высоким авторитетам и лишить доверья талант г-на Торпа дарить бесконечное удовольствие.

Едва ли возможно описать словами потрясенье Изабеллы, когда, прибыв к дверям г-жи Аллен, юная дева обнаружила, что час слишком поздний и сопровождать подругу в дом не подобает:

– Четвертый час!

Непостижимо, невероятно, невозможно! И она отказывалась верить равно собственным часам, часам брата или же слуги; она не верила ни единому резону рассудка или реаль-

ности, пока Морлэнд не извлек часы и не подтвердил правдивость факта; *теперь* усомниться еще хоть на мгновение было бы равно непостижимо, невероятно и невозможно, и Изабелле оставалось лишь снова и снова твердить, что никогда прежде два с половиною часа не пролетали так быстро, чему в свидетели призвана была Кэтрин; та не в силах была солгать даже ради подруги; впрочем, последняя избавила себя от несчастья выслушать прекословье Кэтрин, ее ответа не дождавшись. Изабеллу слишком захватили чувства; она жестоко страдала, сознавая, что надлежит отправляться домой. Целая вечность миновала с тех пор, как она беседовала с драгоценнейшей своею Кэтрин; и хотя Изабелла намеревалась сообщить подруге тысячи разных разностей, юным девам словно бы не суждено было встретиться более никогда; итак, с улыбками изысканнейших мук и отважным смехом совершеннейшего унынья она распрощалась с Кэтрин и отбыла.

Г-жа Аллен, едва освободившаяся от хлопотливой праздности утра, тотчас приветствовала Кэтрин нижеследующим:

– Ну, моя дорогая, вот ты и вернулась. – То была истина, оспаривать кою Кэтрин не была особо склонна и способна. – Надеюсь, ты славно прогулялась.

– Да, сударыня, благодарю вас; лучше и быть не могло.

– Госпожа Торп так и сказала; она была страшно довольна, что вы поехали.

– Так вы виделись с госпожою Торп?

– Да, как только вы уехали, я пошла в бювет и там ее встретила; мы славно побеседовали. Она говорит, на рынке нынче утром не отыщешь телятины – телятина сегодня необычайно редка.

– А еще кого-нибудь из знакомцев встретили?

– Да; мы уговорились прогуляться возле Полумесяца и встретили госпожу Хьюз, а с нею господина и юную госпожу Тилни.

– В самом деле? Они с вами беседовали?

– Да, мы полчаса гуляли вместе у Полумесяца. Очень приятные, мне представляется, люди. Юная госпожа Тилни была в очень симпатичном крапчатом муслине и, судя по тому, что я слышала, всегда одевается весьма красиво. Госпожа Хьюз много мне порассказала об их семействе.

– И что она вам рассказала?

– Ой, страшно много всего; ни о чем более толком и не говорила.

– Они из Глостершира – она сказала, откуда именно?

– Да, сказала; только я уже не помню. Но они очень славные люди и очень богатые. Госпожа Тилни в девичестве была Драммонд, они с госпожою Хьюз учились вместе; и у юной госпожи Драммонд имелось большое состояние; а когда она вышла замуж, отец дал за ней двадцать тысяч фунтов, и еще пятьсот на наряды. Когда их доставили из лавок, госпожа Хьюз все их видела.

– А господин и госпожа Тилни в Бате?

– Да, мне кажется, они здесь, но я не уверена. Впрочем, если подумать, у меня такое ощущение, будто оба они скончались; во всяком случае, мать; да, точно, госпожа Тилни умерла, поскольку госпожа Хьюз рассказала мне, что господин Драммонд подарил дочери на свадьбу роскошный жемчуг, который теперь у юной госпожи Тилни – он отошел ей, когда ее мать умерла.

– А господин Тилни, мой партнер, – он единственный сын?

– Наверняка сказать не могу, дорогая; у меня имеется представление, будто сие так и есть; но госпожа Хьюз говорит, что он весьма благородный молодой человек и, по всему вероятию, будет весьма благополучен.

Кэтрин более не задавала вопросов; она услышала достаточно, чтобы уразуметь, сколь ничтожны познания г-жи Аллен; сама же юная дева, к величайшему несчастью, сие свиданье с братом и сестрою пропустила. Будь она в силах предвидеть эдакий поворот, ничто не понудило бы ее отправиться с остальными; ныне же она могла лишь оплакивать горькую свою судьбу и раздумывать о том, чего лишилась, пока ей не стало ясно, что прогулка особо отрадной вовсе не была, а лично Джон Торп – персона до крайности неприятная.

Глава X

Семейства Аллен, Торп и Морлэнд встретились вечером в театре; и поскольку Кэтрин и Изабелла сидели рядом, последней выпал шанс изложить некоторые из многих тысяч разных разностей, что копились в ней и ждали излиянья всю ту бесконечную вечность, что разделяла подруг.

– О Боже! Возлюбленная моя Кэтрин, ужели я наконец заполучила тебя? – так вскричала Изабелла, едва Кэтрин вошла в ложу и села подле. – Итак, господин Морлэнд, – ибо тот сидел по другую руку, – весь остаток вечера я не молвлю вам ни слова; посему вам предписано ничего иного не ожидать. Бесценнейшая моя Кэтрин, как ты пережила эти столетья? Однако нет нужды спрашивать, ибо выглядишь ты восхитительно. Поистине, ты уложила волосы беспримерно божественным манером; ах ты озорное создание, хочешь всех заморозить? Воистину, мой брат уже вполне в тебя влюблен; а что до господина Тилни – но *сие* совершенно понятно, даже *твоя* скромность не может усомниться ныне в его привязанности; это слишком очевидно – он же вернулся в Бат. Ах! Чего бы я ни отдала, только бы его увидеть! Я прямо горю от нетерпенья. Моя мать уверяет, что он восхитительнейший молодой человек на свете; она, знаешь ли, утром с ним виделась, непременно представь его мне. Он сейчас здесь? Ну осмотришь, бога ради! Уверяю тебя, мне жизнь не мила, пока

я его не увижу.

— Нет, — сказала Кэтрин, — его здесь нет; я его нигде не вижу.

— Ой, какой кошмар! Ужель никогда мне с ним не познакомиться? Как тебе нравится мое платье? По-моему, не все безнадежное; рукава я целиком придумала сама. Знаешь, мне столь невыносимо надоел Бат; мы с твоим братом нынче утром поняли, что, хотя здесь крайне замечательно провести несколько недель, мы бы и за многие миллионы не согласились тут жить. Мы во мгновение ока обнаружили, что вкусы наши совершенно совпадают — всякому окружению мы предпочитаем провинцию; в самом деле, сие было даже нелепо — до каких малостей сходны наши мнения! Ни в едином предмете мы не разошлись; я бы ни за что не хотела, чтобы ты сие слышала, ты такая лукавая, ты бы наверняка отпустила какое-нибудь комическое замечанье.

— Нет, вовсе нет.

— Ну разумеется, отпустила бы; я знаю тебя лучше, нежели ты сама. Ты бы сказала нам, что мы словно созданы друг для друга или еще какую подобную чепуху, и сие расстроило бы меня до невероятья; щеки мои были бы красны, что твои розы; я бы ни за какие блага не хотела, чтобы ты нас слышала.

— Честное слово, ты ко мне несправедлива; я бы ни за что не стала говорить столь неподобающим образом; кроме того, сие мне бы и в голову не пришло.

Изабелла недоверчиво улыбнулась и остаток вечера про-

болтала с Джеймсом.

Решимость Кэтрин встретить юную г-жу Тилни возродилась наутро с прежней силою; и до минуты, когда обычно отбывали в бювет, она отчасти страшилась новой препоны. Но ничего подобного не остановило их, никакие визитеры не задержали, и все трое в надлежащий час отправились к бювет, где имели место обычные события и беседы; г-н Аллен, выпив стакан воды, присоединился к неким джентльменам, кои обсуждали текущую политику и сравнивали сообщения излюбленных своих газет; дамы же прогуливались вместе, подмечая всякое новое лицо и почти всякую новую шляпку в зале. Женский состав семейства Торп, сопровождаемый Джеймсом Морлэндом, появился в толпе спустя менее четверти часа, и Кэтрин тотчас заняла свое место подле подруги. Джеймс, кой ныне присутствовал при той постоянно, оставался на сходной позиции; отделившись от прочих, они подобным манером погуляли некоторое время втроем, и наконец Кэтрин принялась сомневаться в удачности положения, кое, даря ей исключительно общество подруги и брата, предоставляло крайне малую долю вниманья обоим. Они неустанно пребывали погружены в чувствительную беседу или оживленный спор, однако чувства их излагались таким шепотом, а живость сопровождалась таким хохотом, что, хотя та либо другой нередко обращались за поддержкою к Кэтрин, последняя не способна была никого поддержать, ибо не разбирала ни слова. В конце концов, однако, она на-

шла в себе силы оторваться от Изабеллы, вслух явив нужду побеседовать с юной г-жою Тилни, кою с немалой радостью узрела в дверях вместе с г-жою Хьюз и к коей тотчас приблизилась, полная решимости познакомиться ближе и упорствуя в сем желаньи более, нежели, вероятно, осмелилась бы, если б ее не подзадоривало вчерашнее разочарование. Юная г-жа Тилни приветствовала ее с великой любезностью, на попытки завязать дружбу отвечала с равной доброжелательностью, и они беседовали, пока обе группы пребывали в зале; и хотя, по всей вероятности, обеими не было сделано ни единого наблюденья и высказано ни единого выраженья, что всякий сезон в Бате не делались и не высказывались под сей крышею по несколько тысяч раз, преимущества их беседы, простой, правдивой и лишенной заносчивости, были, пожалуй, необычайны.

– Как превосходно танцует ваш брат! – сие безыскусное восклицанье Кэтрин ближе к концу разговора удивило и позабавило собеседницу.

– Генри! – с улыбкой отвечала та. – Да, он танцует очень хорошо.

– Он, вероятно, счел, что сие весьма странно – тогда, вечером, я сказала, что уже обещалась танцевать, однако он видел, что я сижу. Но на самом деле я с утра дала слово господину Торпу. – Юная г-жа Тилни на сие могла лишь кивнуть. – Вы не представляете, – прибавила Кэтрин после краткой паузы, – как удивилась я, увидев вашего брата вновь. Я

была так уверена, что он отбыл насовсем.

— В прошлый раз, когда Генри имел удовольствие видеться с вами, он пробыл в Бате всего лишь пару дней. Он приезжал снять для нас комнаты.

— *Сие* совершенно не приходило мне в голову; и, разумеется, нигде его не встречая, я решила, что он уехал. А эта молодая дама, с которой он танцевал в понедельник, — не юная ли госпожа Смит?

— Да, знакомица госпожи Хьюз.

— Мне показалось, она была очень рада потанцевать. Как вы полагаете, она красивая?

— Не очень.

— Он никогда не приходит в бювет, да?

— Иногда приходит; однако нынче утром он уехал с моим отцом.

Подошла г-жа Хьюз и спросила юную г-жу Тилни, готова ли та идти.

— Надеюсь, я еще буду иметь удовольствие увидеть вас, — сказала Кэтрин. — Придете ли вы завтра на котильон?

— Быть может, мы... Да, я думаю, мы наверняка придем.

— Я очень рада — мы все там будем. — На сию любезность был получен уместный ответ, и девы расстались; юная г-жа Тилни располагала теперь некими данными о чувствах новой знакомицы, Кэтрин же — ни сном ни духом, что оные каким-либо манером изъяснила.

Домой она шла весьма счастливая. Утро исполнило все

ее надежды, завтрашний вечер обернулся предметом мечтаний, и будущее засияло. Ныне ее в основном заботило, какое платье по такому случаю надеть и как убрать волосы. Нет ей оправдания. Наряд извечно являет собою отличие легкомысленного толка, и чрезмерные волнения о нем зачастую подрывают саму его цель. Сие Кэтрин знала прекрасно; двоюродная бабка прочла ей нотацию всего только в прошлое Рождество; и тем не менее в среду вечером юная дева минут десять пролежала без сна, выбирая меж крапчатым и вышитым муслином, и лишь недостача времени помешала ей купить новый туалет. Сие было бы ошибкою суждения, величайшей, хоть и нередкой, от коей ее могла бы предостеречь персона иного пола, а не ее собственного – брат, а не двоюродная бабка; ибо лишь мужчина постигает мужскую нечувствительность к новому наряду. Как потрясены были бы чувства многих дам, пойми оные дамы, сколь мало влияют на сердца мужчин дорогие или же новые предметы туалета; сколь мало сердца сии пристрастны к фактуре муслина и сколь не подвержены особой любви к крапчатому, тонкому, узорчатому муслину или батисту. Дама изысканна только собственного довольства ради. По причине сей ни единый мужчина не станет восхищаться ею более, ни единой женщине она не понравится сильнее. Первому хватает опрятности и благородства, второй же милее налет потрепанности или неприличья. Но убийственные соображенья подобного рода не потревожили покоя Кэтрин.

Вечером в четверг она вступила в залы с чувствами, кои немало отличались от всего, что она пережила здесь в понеделник. Тогда она восторгалась приглашением Торпа; ныне же всеми силами стремилась избегнуть одного господина, опасаясь, как бы он не пригласил ее вновь; ибо хотя она не могла, не смела ожидать, что г-н Тилни пригласит ее на танец в третий раз, желанья ее, надежды и планы не потерпели бы меньшего. В сей критический миг моей героине сострадала бы всякая юная дева, ибо всякая так или иначе познала сходную ажитацию. Все рисковали – или, по меньшей мере, полагали, будто рискуют – подвергнуться преследованиям того, кого желали избегнуть; и все жаждали вниманья того, кому желали понравиться. Муки Кэтрин начались, когда подошло семейство Торп; она нервничала, едва приближался Джон Торп, пряталась с глаз его, как только возможно, и притворялась, будто не слышит, что он с нею заговаривает. Котильон завершился; начались танцы; а Кэтрин еще не видала обоих Тилни.

– Не пугайся, драгоценнейшая моя Кэтрин, – шепнула Изабелла, – но я буду вновь танцевать с твоим братом. Положительно, я должна заявить, что сие на редкость возмутительно. Я говорю ему, что он должен устыдиться, но вам с Джоном следует за нами приглядывать. Поторопись, драгоценное созданье, приходи к нам. Джон только что отошел, но через минутку вернется.

Кэтрин не успела и не пожелала ответить. Остальные

ушли, Джон Торп пребывал в поле зренья, и она оставила всякую надежду. Впрочем, дабы не породить впечатления, будто она за ним наблюдает или ждет его приближенья, Кэтрин напряженно уставилась на свой веер; и едва в голове ее пронеслась самоуничжительная мысль о собственной глупости – как могла она ожидать, что в срок повстречает брата и сестру Тилни в такой толпе? – как внезапно к ней с приглашением на танец обратился сам г-н Тилни. Легко представить, как засияли ее глаза, с какой охотою она жестом дала понять о своем согласии и сколь блаженно трепетало ее сердце, когда шла она танцевать. Избегнуть – и, верила Кэтрин, в последнюю минуту избежать Джона Торпа, и получить приглашение от г-на Тилни столь вскоре после его появления – да он будто нарочно ее искал! – мнилось ей, будто жизнь не может подарить большего счастья.

Однако едва они мирно обрели место среди танцующих, вниманье Кэтрин привлечено было Джоном Торпом, кой очутился у нее за спиною.

– Ну дела, госпожа Морлэнд! – сказал он. – Это что ж такое? А я-то думал, что сам буду с вами плясать.

– Я в недоуменьи, отчего вы думали так, ибо вы меня не приглашали.

– Вот те на, ну и шуточки у вас! Я пригласил вас, как только вошел в залу, и как раз хотел снова пригласить; оборачиваюсь – а вы уж пропали! Ну вы даете – ну и фокусы у вас! Я и пришел, только чтобы потанцевать с *вами*, и совершен-

но убежден, что мы уговорились в понедельник. Да; точно, я припоминаю, что мы уговорились, когда вы забирали свой плащ в вестибюле. Я тут всем знакомым рассказываю, что стану танцевать с самой красивой девушкой в зале; меня же на смех подымут, когда увидят, что вы танцуете с другим.

– Вовсе нет; после такого описанья они и не подумают обо мне.

– Честное слово, если не подумают, я этих болванов за дверь вышвырну. И с кем это вы пляшете? – Кэтрин удовлетворила его любопытство. – Тилни, – повторил он. – Хм-м – я с ним незнаком. Ничего себе мужчина; сложен пристойно. Ему лошадь не нужна? У меня тут один друг, Сэм Флетчер, – так он лошадь продает, подойдет кому угодно. Отменно умная животиная, хорошо бежит – всего сорок гиней. Я б и сам ее прикупил с дорогой душою, у меня закон такой – всегда покупать добрую лошадь, если попадается; но мне она ни к чему, для полей не годится. Любые бы деньги отдал за хорошего гунтера. У меня сейчас три, лучших и не седлали никогда. Я бы с ними и за восемьсот гиней не расстался. Мы с Флетчером к следующему сезону хотим дом снять в Лестершире. Ч..., как неудобно на постоялом дворе жить – кошмар.

Сия фраза последней утомляла вниманье Кэтрин, ибо Торп сметен был неодолимым напором долгой череды шествующих мимо дам. Засим партнер, приблизившись к Кэтрин, сказал:

– Сей джентльмен лишил бы меня терпенья, пробудь он

с вами еще хоть полминуты. Не должно отвлекать от меня вниманье моей партнерши. На нынешний вечер мы уговорились о взаимном приятстве, и на сие время всем нашим приятством нам полагается дарить исключительно друг друга. Ни единая живая душа не может привлечь вниманья одного, не нарушив прав другого. Парные танцы я полагаю символом супружества. Верность и обходительность в высшей степени приличествуют обоим; а тем, кто сами предпочитают не танцевать и не жениться, не должно отвлекать партнерш или жен своих соседей.

– Но сие столь разные вещи!

– ...и вы полагаете, что они несопоставимы.

– Конечно нет. Женатые люди не могут расстаться – им надлежит вместе вести хозяйство. Танцоры же стоят друг против друга в большой зале всего лишь полчаса.

– Таково ваше понятие о браке и танцах. В подобном свете, разумеется, подобье меж ними невелико; но, мнится мне, я могу представить их вам с точки зрения сходства. Вы согласитесь, что в том и другом мужчина располагает преимуществом выбора, а женщина – лишь правом на отказ; то и другое есть уговор мужчины и женщины, заключенный ко благу обоих; и, заключив сей договор, они принадлежат лишь друг другу до минуты его расторженья; долг обоих – постараться не дать другому причины сожалеть о том, что он или она не заключили договор с иным лицом; и в интересах обоих не позволять воображенью своему грезить о достоинствах сосе-

дей или о том, что им лучше было бы связаться с кем-либо иным. С сим вы согласитесь?

– Да, конечно, если представлять их таким манером, выходит очень убедительно; и все же они совершенно различны. Я не могу смотреть на них в одном свете и считать, будто им подобают одинаковые обязательства.

– Бесспорно, в одном отношении различье имеется. В супружестве мужчине надлежит содержать женщину, а той – обустраивать дом для мужчины; он запасается, она расточает улыбки. В танцах же обязательства противоположны: от него ожидается приятство и учтивость, она же поставляет вер и лавандовую воду. *Вот*, по видимости, различье обязательств, кое смущает вас и понуждает счесть условия того и другого несравнимыми.

– Нет, об этом я вообще-то не подумала.

– В таком случае я решительно озадачен. Впрочем, кое-что я должен отметить. Меня весьма тревожит такое ваше отношение. Вы вовсе отмечаете сходство обязательств; надлежит ли мне из сего заключить, что представления ваши о долге танца не столь строги, сколь сие желанно партнеру? Нет ли у меня резонов страшиться, что джентльмен, кой недавно с вами разговаривал, вернется или же любой иной джентльмен обратится к вам – и ничто не помешает вам беседовать с ними сколь угодно долго?

– Господин Торп – столь близкий друг моего брата, что я вынуждена буду говорить с ним, если он ко мне обратится;

но помимо него в сей зале едва ли найдется трое молодых людей, с коими я знакома.

– И сие – единственная мне порука! Увы мне, увы!

– Сие, мне представляется, наилучшая порука; если я никого не знаю, говорить с ними мне невозможно; а кроме того, я не *хочу* ни с кем разговаривать.

– Вот теперь порука достойна; засим я храбро продолжу. Полагаете ли вы Бат столь же приятным, сколь сие было, когда я имел честь осведомиться об этом в прошлый раз?

– Да, весьма – даже еще лучше.

– Еще лучше! Остерегайтесь, или же вы позабудете в должный час от него устать. От него полагается уставать через полтора месяца.

– Вряд ли я устану от него, даже если пробуду здесь полгода.

– В сравнении с Лондоном Бат лишен разнообразья, и всякий обнаруживает сие ежегодно. «Не спорю, первые полтора месяца Бат довольно мил; но *затем* это наиutomительнейшее место в мире». О сем поведают вам персоны всевозможных качеств, что регулярно приезжают каждой зимою, растягивают свои полтора месяца до двух с половиною или же трех, а затем отбывают, ибо не могут себе позволить задержаться.

– Ну, пускай остальные судят, как им хочется; те, кто ездит в Лондон, могут Батом пренебрегать. Однако я, кто живет в тихой провинциальной деревушке, не в силах обнару-

жить здесь большего единообразья, нежели у себя дома; ибо здесь целый день имеется множество забав, множество достопримечательностей и занятий, коих мне не познать там.

– Вы не любите провинцию.

– Напротив, люблю. Я прожила там всю жизнь и всегда была очень счастлива. Но провинциальная жизнь, конечно, гораздо однообразнее, чем здесь. В провинции все дни похожи друг на друга.

– Однако в провинции вы проводите время гораздо разумнее.

– Разве?

– Разве нет?

– Мне кажется, нет особой разницы.

– Здесь вы целый день ищете одних лишь забав.

– И дома тоже – просто дома я их реже нахожу. Я гуляю здесь, и там я тоже гуляю; но здесь на каждой улице множество людей, а там я могу навестить лишь госпожу Аллен.

Сие позабавило г-на Тилни чрезвычайно.

– Навестить лишь госпожу Аллен! – повторил он. – Сие – само олицетворенье умственной нищеты! Однако ныне, погрузившись в эту бездну вновь, вы найдете, о чем поговорить. Вы сможете говорить о Бате и о том, чем тут занимались.

– О да! Теперь у меня не будет недостатка в предметах для беседы с госпожою Аллен или с кем угодно. Честное слово, мне кажется, возвратившись домой, я только и буду раз-

говаривать о Бате – мне *очень* здесь нравится. Вот если бы приехали папа, мама и все прочие – вот это было бы беспредельное счастье! Как восхитительно, что прибыл Джеймс (это мой старший брат) – да еще выяснилось, что семейство, с коим мы сблизились, – давно уже его близкие друзья. Ах! Кто может устать от Бата?

– Тот, кто привносит в него столь свежие чувства, – разумеется, не может. Однако папа, и мама, и братья, и близкие друзья в Бате, как правило, забываются – и искреннее наслаждение балами, развлечениями и повседневностью ускользают вместе с ними.

Сим их беседа завершилась, ибо танец слишком назойливо потребовал безраздельного их вниманья.

Вскоре, пройдя меж прочих пар, Кэтрин узрела, что ее пристально разглядывает некий джентльмен, стоявший среди зрителей за спиною ее партнера. То был весьма красивый человек властной наружности, кой миновал уже расцвет, однако не лишился жизнелюбия; Кэтрин увидела, как, не сводя с нее глаз, незнакомец непринужденным шепотом обратился к г-ну Тилни. Сконфузившись от его вниманья, краснея в страхе, что таковое привлечено неким беспорядком в ее облике, она отвернулась. Незнакомец тем временем отошел, а партнер ее, приблизившись, молвил:

– Я вижу, вы догадались, о чем меня только что спрашивали. Сей джентльмен знает ваше имя, и вы располагаете правом знать его. Это генерал Тилни, мой отец.

– А! – только и ответила Кэтрин, однако сие «А!» выразило все потребное: внимание к словам г-на Тилни и совершеннейшее доверье их правдивости. С искренним интересом и глубочайшим восхищением глаза ее следовали за генералом, пробиравшимся сквозь толпу; «Какое красивое семейство!» – таково было тайное суждение Кэтрин.

До завершения вечера беседа с юной г-жой Тилни подарила юной деве новый источник блаженства. С самого прибытия в Бат она ни разу не гуляла за городом. Юная г-жа Тилни, коей были знакомы все общеизвестные окрестности, говорила о них так, что Кэтрин отчаянно возжелалось тоже их узреть; и на ее опасенье, что, вероятно, ей никто не захочет составить общество, брат и сестра предложили как-нибудь утром прогуляться вместе.

– Я бы хотела этого больше всего на свете! – вскричала Кэтрин. – Не станемте откладывать – пойдемте завтра.

О сем они охотно условились с единственной оговоркою юной г-жи Тилни – если не будет дождя, в чем Кэтрин была уверена. В двенадцать часов они зайдут за нею на Палтн-стрит.

– Так не забудьте – в двенадцать, – такова была прощальная реплика, коей Кэтрин одарила новую подругу.

Другую подругу, давнее и ближе, Изабеллу, чьей верностью и достоинствами Кэтрин наслаждалась две недели, последняя едва ли видела в тот вечер. И все же, невзирая на стремленье поведать Изабелле о своем счастье, Кэтрин жиз-

нерадостно подчинилась желанию г-на Аллена, кой увез дам довольно рано, и сердце ее танцевало в груди, как сама она танцевала в портшезе всю дорогу до дома.

Глава XI

Следующий день явил крайне сдержанное утро; солнце пыталось выглянуть лишь изредка, и из сего Кэтрин извлекла наиболее благоприятнейшие своим желаньям предвестья. В самом начале года ясные утра чаще всего оборачиваются дождем, полагала она, однако пасмурные обещают прояснение с наступлением дня. За подтверждением надежд она обратилась к г-ну Аллену, однако тот, лишенный привычного климата и барометра, отказался наверняка пророчить ясный день. Кэтрин устремилась к г-же Аллен, и мнение той оказалось определеннее. Она ни на миг не сомневалась, что день будет замечательный, если только разойдутся облака и выглянет солнышко.

Около одиннадцати, впрочем, бдительный взор Кэтрин привлекли редкие пятнышки мороси на окнах.

– Ох, батюшки, похоже, и впрямь будет дождь, – весьма унылым манером высказалась юная дева.

– Я так и думала, – произнесла г-жа Аллен.

– Не будет мне сегодня прогулок, – вздохнула Кэтрин. – Но, может, сильно не польет или распогодится до двенадцати.

– Может быть, но тогда, моя дорогая, будет ужас как слякотно.

– Ой, это ничего; слякоть я переживу.

– Да, – крайне безмятежно отвечала подруга. – Я знаю, что слякоть ты переживешь.

После краткой паузы.

– Дождь все сильнее! – сказала Кэтрин, глядя в окно.

– И в самом деле. Если так и пойдет, на улице будет очень мокро.

– Там уже четыре зонтика. Ненавижу зонтики!

– Они очень неудобные. Я предпочитаю, чуть что, сразу сесть в портшез.

– Такое прекрасное было утро! Я ни на миг не усомнилась, что будет сухо!

– И никто бы не усомнился. Если дождь зарядит на все утро, в бювете будет очень мало народу. Надеюсь, г-н Аллен наденет пальто; правда, он, наверное, пальто не наденет, он на что угодно готов, только бы не надевать пальто; странно, отчего он не любит пальто, – оно же, вероятно, такое уютное.

Дождь не утихал – частый, но не сильный. Каждые пять минут Кэтрин подходила к часам, всякий раз угрожая, что, продлись дождь еще пять минут, она сочтет дело решительно безнадежным. Пробило двенадцать, а дождь не прекращался.

– Ты не сможешь поехать, моя дорогая.

– Я еще не вовсе отчаялась. Я буду надеяться до четверти первого. Как раз подходящее время, чтобы прояснилось; сейчас мне чудится, будто облака чуточку расходятся. Ну вот, уже двадцать минут первого – теперь я *оставлю* надеж-

ду. Ах! У нас тут погода в точности как в Удольфо – или хотя бы в Тоскане и на юге Франции – в ту ночь, когда скончался бедный Сен-Обер!²⁵ – прекрасная погода!

В половине первого, когда сторожкое вниманье Кэтрин к погоде померкло и юной деве не приходилось более рассчитывать ни на какие преимущества, из улучшения таковой проистекающие, небо по доброй воле начало проясняться. Блеск солнечного луча застал Кэтрин врасплох; она заозиралась; облака расступались, и она тотчас вернулась к окну, дабы наблюдать и подгонять счастливую перемену. Спустя десять минут стало очевидно, что грядет ясный день; подтвердилось мнение г-жи Аллен, коя «с самого начала полагала, что прояснится». Впрочем, еще неизвестно было, надлежит ли Кэтрин ожидать друзей, не пересилил ли дождь решимости юной г-жи Тилни.

Слякоть не дозволила г-же Аллен сопровождать мужа в бювет; супруг ее отправился один, и едва Кэтрин взглядом проводила его по улице, вниманье ее привлечено было теми же двумя открытыми экипажами с теми же тремя седоками, кои столь неожиданно явились ей недавно поутру.

– Изабелла, мой брат и господин Торп, честное слово! Должно быть, они прибыли за мною – но я не поеду; в самом деле, я не могу поехать – еще может прийти юная госпожа

---

²⁵ Имеется в виду персонаж романа «Удольфские тайны» Сен-Обер, отец главной героини, который в начале описанных в романе событий умирает после долгой болезни.

Тилни.

С сим г-жа Аллен согласилась. Вскоре к ним присоединился Джон Торп – голос его составил им общество даже ранее, ибо г-н Торп еще с лестницы велел госпоже Морлэнд поторапливаться.

– Поспешите! Поспешите! – распахивая дверь. – Надевайте шляпку сей момент – нельзя терять ни минуты, мы едем в Бристоль. Как делишки, госпожа Аллен?

– В Бристоль! Это ведь ужасно далеко? Но, впрочем, я не могу отправиться с вами, ибо уже дала слово; я с минуты на минуту ожидаю друзей.

Сей резон, разумеется, был рьяно отброшен, ибо резонном вовсе не являлся; в поддержку г-на Торпа призвана была г-жа Аллен, и двое других посетителей также вошли, дабы оказать содействие.

– Бесценнейшая моя Кэтрин, ужели не восхитительно? Мы божественно прокатимся. За сей план тебе надлежит благодарить меня и твоего брата; нас обоих осенило за завтраком – едва ли не в единый миг, клянусь тебе; мы бы отбыли два часа назад, не будь этого противного дождя. Но сие не важно, солнце еще высоко, и мы восхитительно развлечемся. Ах! Я в таком экстазе – только подумать, нас ждет покой и свежий воздух! Насколько сие приятнее похода в «Нижние залы». Мы поедем прямиком в Клифтон и там отобедаем; а сразу после обеда, если времени хватит, направимся в Кингуэстон.

– Вряд ли мы все успеем, – заметил Морлэнд.

– Да вы просто брюзга! – вскричал Торп. – Мы успеем в десять раз больше. Кингзуэстон! Да-с, и еще замок Блэйз, и вообще все на свете; но сестра ваша заявляет нам, что не поедет.

– Замок Блэйз! – вскричала Кэтрин. – Что это?

– Роскошнейший замок в Англии – чтоб его увидеть, и полусотню миль проехать не жалко.

– Это что, взаправду замок, старый замок?

– Старейший в королевстве.

– Такой, как в книжках?

– В точности – до мелочей.

– Ну в самом деле – в нем есть башни, есть галереи?

– Да целые дюжины.

– В таком случае я хотела бы увидеть его; но я не могу – я не могу поехать.

– Не можешь поехать! Возлюбленное создание, о чем ты говоришь?

– Я не могу поехать, потому что... – и она опустила глаза, страхась улыбки Изабеллы, – я жду юную госпожу Тилни и ее брата, мы уговорились прогуляться за городом. Они обещали прийти в двенадцать, только был дождь; однако теперь прояснилось, и, я думаю, они вот-вот придут.

– Ничего они не придут! – вскричал Торп. – Когда мы сворачивали на Брод-стрит, я их видел – у братца ведь фаэтон с гнедыми?

– Я даже и не знаю.

– А я знаю – у него фаэтон с гнедыми; я его видел. Вы же о том человеке говорите, с кем плясали вчера?

– Да.

– Точно, я видел его, он как раз свернул на Лэнсдаун-роуд, вез благородного вида девицу.

– В самом деле?

– Да клянусь; тотчас его узнал, и у него, похоже, добрые животные.

– Как странно! Вероятно, они решили, что для прогулки чересчур слякотно.

– Вполне могли, ибо я в жизни такой слякоти не видал. Гулять! Да тут гулять возможно не более, чем летать! За всю зиму такой слякоти не бывало – куда ни глянь, грязи по щиколотку.

Изабелла сие подтвердила:

– Драгоценнейшая моя Кэтрин, ты даже вообразить не можешь, как грязно; пойдем, ты должна поехать с нами; теперь-то ты не можешь отказаться.

– Я бы с радостью посмотрела замок; только можно мы его осмотрим целиком? Каждую лестницу, каждый апартамент?

– Да-да, каждый уголок и закуток.

– Но что, если они выехали всего на час, пока не станет суше, и вскоре придут?

– Вы ничем не рискуете, не тревожьтесь: я слышал, как Тилни окликнул человека, что верхом проезжал мимо, и ска-

зал, что они направляются аж в Уик-Рокс.

— Тогда я поеду. Мне поехать, госпожа Аллен?

— Поступай, как тебе приятнее, моя дорогая.

— Госпожа Аллен, уговорите ее! — хором возопили все.

Г-жа Аллен не осталась глуха.

— Что ж, дорогая моя, — молвила она, — тебе, по видимости, следует поехать.

И через две минуты они отбыли.

Чувства Кэтрин, коя забиралась в экипаж, пребывали охвачены крайней нерешительностью и разрывались меж сожаленьем об утрате одного великого удовольствия и надеждой на скорое обретенье другого, почти равного первому, хоть и лишенного подобья. Она не могла отмахнуться от мысли, что брат и сестра Тилни поступили с нею не слишком любезно, столь охотно отказавшись от уговора и не прислав записки с извиненьями. Со времени, когда они условились отправиться на прогулку, миновал всего час; и невзирая на все, что Кэтрин в протяжении сего часа выслушала касательно непомерной грязи, собственные наблюдения подсказывали ей, что можно было бы прогуляться без особых затруднений. Весьма болезненно было сознавать, что Тилни ею пренебрегли. С другой же стороны, восторг, даруемый исследованием замка, подобного Удольфо, каким фантазия уже нарисовала ей замок Блэйз, явился превосходным балансом, кой утешил бы ее почти в любом горе.

Они резво промчались по Палтни-стрит, а затем по Ло-

ра-плейс, не обменявшись почти ни словом. Торп беседовал с жеребцом, а Кэтрин размышляла поочередно о нарушенных обещаньях и разрушенных арках, фаэтонах и фальшивых панно, Тилни и тайных ходах. При подъезде к Арджайл-билдингз, однако, голос спутника понудил ее очнуться:

– Кто эта девица, что так пристально взирала на вас, когда мы проезжали?

– Кто? Где?

– Справа на тротуаре – ее, должно быть, уже и не видно.

Кэтрин развернулась и узрела, что по улице, опираясь на руку брата, медленно шагает юная г-жа Тилни. Равно увидела Кэтрин, что брат и сестра смотрят на нее.

– Стойте, стойте, господин Торп! – в нетерпении вскричала она. – Это юная госпожа Тилни; это она. Как вы могли – зачем вы сказали, что они уехали? Стойте, стойте, ясию минуту сойду и отправлюсь к ним. – Но что толку? Ее спутник лишь стегнул жеребца, побудив того к бодрой рыси; брат и сестра Тилни, чрез мгновенье отведшие взгляд, вскоре исчезли за углом Лора-плейс, а еще чрез мгновенье саму Кэтрин умчали к рынку. И все равно еще целую улицу она молила его остановиться: – Пожалуйста, прошу вас, остановитесь, господин Торп. Я не могу ехать. Я не поеду. Я должна вернуться к юной госпоже Тилни. – Однако г-н Торп лишь смеялся, щелкал хлыстом, понукал жеребца, неразборчиво вскрикивал и мчал дальше; и Кэтрин, злясь и досадуя, никак

не могла сбежать, а посему принуждена была оставить мольбы и сдаться. От упреков ее, впрочем, г-н Торп не спасся. — Как вы могли — зачем вы меня обманули, господин Торп? Зачем вы сказали, будто видели, как они ехали по Лэнсдаун-роуд? Я бы ни за что на свете такого не допустила. Они, должно быть, решили, что я повела себя так странно, так грубо! И проехала мимо, слова не сказав! Вы не представляете, как я сердита; мне не будет радости ни от Клифтона, ни от чего угодно. Я бы лучше — в десять тысяч раз лучше — немедленно сошла и вернулась к ним. Как вы могли — зачем говорили, будто видели их в фаэтоне?

Торп защищался очень упорно, твердил, что в жизни не встречал двух людей, столь друг на друга похожих, и едва ли готов был признать, что видел не Тилни.

Поездка их, даже когда сия дискуссия завершилась, не обещала чрезмерного приятства. Кэтрин подрастеряла учти-вость, кою выказывала на прошлой прогулке. Юная дева слушала неохотно, и ответы ее были кратки. Лишь замок Блэйз утешал ее; *сие* она временами предвкушала с удовольствием; впрочем, дабы не лишиться обещанной прогулки, а особенно дабы брат и сестра Тилни не думали о ней дурно, она с радостью отдала бы все счастье, кое способны были даровать замковые стены, — счастье бродить долгой чередой высоких комнат, являющих взору остатки мебели великолепной, хоть и заброшенной много лет назад; счастье остановиться в узком петляющем коридоре пред низкой решетчатой две-

рю, и даже счастье, коим осеняет светильник, их единственный светильник, погаснув под внезапным порывом ветра и оставив их в крошечной тьме. Тем временем путешествие продолжалось бестревожно; уже завиднелся Кейншэм, когда оклик Морлэнда, ехавшего позади, вынудил друга его остановиться, дабы выяснить, в чем дело. Второй экипаж подъехал ближе, и Морлэнд сказал:

– Нам лучше вернуться, Торп; сегодня уже слишком поздно; ваша сестра полагает так же. Мы всего час назад выехали с Палтни-стрит, одолели немногим более семи миль; надо думать, нам предстоят еще по меньшей мере восемь. Так не пойдет. Мы чересчур поздно выехали. Лучше нам отложить сие до иного дня, а сейчас возвратиться.

– Да мне все равно, – отвечал Торп довольно сердито, тотчас развернул жеребца, и все они направились обратно в Бат.

– Если б эта ч... животное, что у вашего брата, побыстрее бегала, – вскоре молвил Торп, – мы бы распрекрасно успели. Мой жеребец дорысит до Клифтона за час, если его не дергать, а я чуть руку не сломал – все поводья тянул, чтоб он подстроился под эту одышливую клячу. Дурак Морлэнд, что не держит своей лошади и двуколки.

– И вовсе нет, – с жаром отвечала Кэтрин, – потому что он, безусловно, не может себе этого позволить.

– И отчего же он не может себе этого позволить?

– Оттого, что у него недостаточно денег.

– И чья же в том вина?

— Я виноватых не знаю.

На сие Торп отвечал манером громким и невнятным, к коему нередко прибегал, в том смысле, что ч... дурно быть скаредою, и коли те, кто в деньгах купается, не могут себе ничего позволить, он уж и не знает, кто может; сего Кэтрин и не пыталась уразуметь. Лишенная того, чему надлежало утешить ее в первом ее лишении, она все менее склонна была являть приятство или находить таковое в спутнике; до возвращения на Палтни-стрит она не вымолвила и двух десятков слов.

В дверях лакей поведал ей, что спустя несколько минут после ее отъезда заходили джентльмен и дама, спрашивали Кэтрин; он сказал, что она отбыла с г-ном Торпом, и дама осведомилась, не оставлена ли ей записка; а когда лакей сказал «нет», искала карточку, но сообщила, что у нее при себе карточки нету, и с тем ушла. Обдумывая сии душераздирающие вести, Кэтрин медленно всходила по лестнице. Наверху ее встретил г-н Аллен, кой, выслушав резоны столь скорого возвращения, молвил:

— Я рад, что ваш брат столь разумен; я рад, что вы вернулись. План ваш был странного и дикого сорта.

Все они провели вечер у Торпов. Кэтрин пребывала в расстройстве и унынии; однако Изабелла, по видимости, полагала партию в торговлю, в коей принимала участие, заключив союз с Морлэндом, превосходной заменою тишине и чистоте постоянного двора в Клифтоне. Не раз и не два она пове-

дала, сколь удовлетворена тем обстоятельством, что все они не присутствуют в «Нижнихзалах»:

– Как жаль мне бедных созданий, кои туда отправились! Как я рада, что нас среди них нет! Интересно, нынче там парадный бал? Танцы еще не начались. Я бы туда ни за что не пошла. Как восхитительно изредка провести уютный вечерок. Я так думаю, бал будет не особенно хорош. Я знаю, что Митчеллы не пойдут. Мне ужасно жаль тех, кто пойдет. Смею предположить, господин Морлэнд, вы жаждете туда попасть, не так ли? Наверняка. Прошу вас, не позволяйте вас задерживать. Думаю, мы замечательно управимся и без вас; но вы, мужчины, полагаете себя такими важными.

Кэтрин едва не упрекала Изабеллу в том, что сама Кэтрин и ее печали не склоняют подругу к чуткости, – столь мало занимали они мысли Изабеллы и столь скудны были ее утешенья.

– Ну, не занудствуй, драгоценнейшее создание, – прошептала Изабелла. – Ты попросту разбиваешь мне сердце. На редкость возмутительно, спорить не буду, – но Тилни сами кругом виноваты. Отчего не были они пунктуальнее? Да, слякотно – но что за беда? Вот мы бы с Джоном на такое и вниманья не обратили. Я ни на что не обращаю вниманья, если речь идет о друге; такова моя натура, и Джон в точности таков; чувства его потрясающе сильны. Батюшки! Какие у тебя замечательные карты! Короли, ну честное слово! Я в жизни не была счастливее! И в пятьдесят раз лучше, что они

у тебя, а не у меня.

Ныне же я вправе отпустить свою героиню на бессонную оттоманку, в чем и состоит подлинный героический жребий; на подушку, утыканную шипами и смоченную слезами. Пускай считает, что ей повезло, если глубокий ночной сон посетит ее хоть единожды в ближайшие три месяца.

Глава XII

– Госпожа Аллен, – молвила Кэтрин наутро, – дурно ли выйдет, если я навещу сегодня юную госпожу Тилни? Я не успокоюсь, пока все не объясню.

– Ради Бога, отправляйтесь, моя дорогая; только наденьте белое платье – юная госпожа Тилни всегда носит белое.

Кэтрин с воодушевлением подчинилась и, надлежащим образом экипировавшись, с беспримерным нетерпением устремилась в бювет, дабы выяснить место проживания генерала Тилни, ибо, хотя ей представлялось, что обитает он на Милсом-стрит, в номере дома она сомневалась, а шаткие убеждения г-жи Аллен лишь запутывали еще более. Кэтрин направили на Милсом-стрит, и, затвердив номер дома, с бьющимся сердцем поспешила она целеустремленно, дабы нанести визит, объяснить свое поведение и быть прощенной; она споро миновала церковный двор и решительно отвела глаза, дабы не узреть возлюбленную Изабеллу и драгоценных близких оной, кои, небезосновательно подозревала Кэтрин, наверняка пребывали в лавке поблизости. Кэтрин без помех добралась до искомого дома, сверила номер, постучала и спросила юную г-жу Тилни. Слуга полагал, что юная г-жа Тилни дома, однако не был вполне уверен. Не будет ли она любезна сообщить свое имя? Кэтрин вручила ему карточку. Спустя несколько минут слуга возвратился и с гри-

масою, коя не вполне подтверждала его слова, объявил, что ошибся, ибо юная г-жа Тилни ушла. Кэтрин покинула дом, краснея от униженья. Она была почти убеждена, что юная г-жа Тилни *дома*, оскорблена и не желает ее принять, и, шагая по улице, разок не сдержалась и взглянула на окна гостиной, ожидая узреть юную г-жу Тилни; впрочем, никто в окнах не появился. В конце улицы, однако, она обернулась вновь и не в окне, но в дверях увидела саму юную г-жу Тилни. За тою вышел джентльмен, коего Кэтрин сочла ее отцом, и оба они свернули к Эдгарз-билдингз. Глубоко униженная, Кэтрин пошла прочь. Она почти злилась сама на столь злую нелюбезность; впрочем, припомнив собственное невежество, юная дева сдержала негодование. Она не знала, как обида, подобная той, кою она нанесла, воспринимается по законам светской вежливости, до какой степени непροщности ей подобает пасть, а равно сколь суровой ответной грубости она сама по справедливости подлежит.

Отвергнутая и поправная, она отчасти даже помышляла не пойти с остальными вечером в театр; но следует признать, что помыслы сии не были продолжительны, ибо вскоре Кэтрин припомнила, что, во-первых, не имеет повода остаться дома, а во-вторых, сию пьесу сильно желает узреть. Итак, все они отправились в театр; никакие Тилни не явились терзать ее или радовать: она опасалась, что среди множества достоинств их семейства любовь к пьесам не числится; но, возможно, сие объясняется тем, что они привычны к

более изысканным постановкам на лондонской сцене, в сравнении с коими – о чем Кэтрин знала от Изабеллы – все прочие «весьма жутки». Предвкушение не обмануло ее; комедия столь превосходно отодвинула заботы Кэтрин, что никто, взглянув на нее в протяжении первых четырех актов, не предположил бы, что юную деву сию раздирает некая мука. Однако в начале пятого акта внезапное появление г-на Генри Тилни и его отца, кои присоединились к собранью в ложе напротив, вновь погрузило Кэтрин в тревогу и расстройство. Сцена более не порождала в ней искреннего веселья – более не владела ее вниманьем безраздельно. В среднем каждый второй взгляд ее устремлялся в ложу напротив; и целых два явления наблюдала она таким манером Генри Тилни, ни разу не перехватив его взгляд. Его более нельзя было заподозрить в равнодушии к пьесе; на протяжении двух явлений пьеса владела его вниманьем совершенно. В конце концов, впрочем, он взглянул на Кэтрин и поклонился – но как! Ни улыбка, ни долгий взгляд не сопровождали сей поклон; глаза г-на Тилни тотчас вновь обратились к сцене. Кэтрин нескончаемо томила; она почти готова была побежать в ложу, где он сидел, и понудить его выслушать ее объяснение. Чувства более естественные, нежели героические, владели юной девою; вместо раздумий о собственном достоинстве, кое ранено сим скорым порицаньем, – вместо того, чтобы в сознании собственной невинности с горделивой решимостью явить свое негодование тому, кто мог в сей невинности усо-

мниться, предоставить ему поиски изъяснений и проливать свет на прошлое, лишь избегая героя или же кокетничая с другим, — она взяла на себя весь груз стыда за дурное поведение — или, во всяком случае, видимость такового — и алкала возможности объяснить одного резоны.

Пьеса завершилась — занавес пал, — Генри Тилни более не видно было там, где он прежде сидел, однако отец его пребывал на месте; возможно, г-н Тилни как раз сейчас направляется к их ложе. Кэтрин оказалась права; через несколько минут он появился и, пробравшись сквозь обезлюдевшие ряды, спокойно и вежливо заговорил с г-жою Аллен и ее подругой. Последняя, отвечая, сходного спокойствия не явила:

— О! Господин Тилни, я так ужасно хотела с вами поговорить и извиниться. Вы, должно быть, решили, что я совершеннейшая грубиянка; но честное слово, я не виновата, правда, госпожа Аллен? Они же мне сказали, что господин Тилни с сестрой вместе уехали в фаэтоне? И что мне оставалось? Но я бы в десять тысяч раз больше хотела быть с вами — ведь правда, госпожа Аллен?

— Дорогая моя, ты наступила мне на подол, — был ответ г-жи Аллен.

Уверенья Кэтрин, хоть и остались неподкрепленными, не были изложены втуне; они осенили лицо г-на Тилни улыбкою сердечнее и естественнее, и отвечал он тоном, в коем лишь слегка отзвучивала притворная холодность:

— Так или иначе, мы весьма признательны за то, что вы

пожелали нам приятной прогулки, когда мы миновали вас на Арджайл-стрит; по доброте своей вы даже нарочно обернулись.

— В том-то и дело, я не желала вам приятной прогулки; я и подумать о таком не могла; и я так упорно молила господина Торпа остановиться; я стала его просить, едва увидела вас; ну госпожа Аллен, разве я... ах да! вас же там не было, — но я взаправду его просила; и если б только господин Торп остановился, я бы выскочила и побежала за вами.

Найдется ли в сем мире Генри, кой окажется бесчувствен к подобному заявлению? Во всяком случае, не Генри Тилни. С улыбкою еще милее он сказал все, что подобало сказать о том, как тревожилась и сожалела его сестра и как верила она в честь Кэтрин.

— Ах! Не говорите, будто юная госпожа Тилни не рассердилась! — вскричала Кэтрин. — Я же знаю, что она сердится; ибо нынче утром она не захотела меня принять; я видела, как она выходила из дома через минуту после моего ухода; мне было горько, но я не обиделась. Быть может, вы не знали, что я приходила.

— Меня дома не было, однако я знаю об этом от Элинора; и с той самой минуты она желала увидеться с вами и объяснить резоны подобной нелюбезности; вероятно, сие могу совершить и я. Ничего страшного, просто мой отец — они как раз собирались уходить, он не желал сего откладывать, ибо спешил, — понудил ее вас не принимать. Вот и все, уверяю вас.

Она ужасно досадовала и собиралась извиниться как можно скорее.

Сии сведения немало облегчили душу Кэтрин; однако тревога не совершенно оставила ее и породила следующий вопрос, совершенно безыскусный сам по себе, однако немало расстроивший джентльмена:

– Но, господин Тилни, отчего *вы* были менее великодушны, чем ваша сестра? Если она была столь уверена в доброте моих намерений и все сие сочла только ошибкою, отчего *вы* обиделись столь поспешно?

– Я? Обиделся?

– Именно – когда вы пришли в ложу, я по вашему лицу поняла, что вы сердиты.

– Я сердит? По какому праву мне сердиться?

– Ну, всякий, кто увидел бы вас, не счел бы, что у вас нет такого права. – На сие г-н Тилни отвечал просьбою разрешить ему сесть и беседу о пьесе.

Некоторое время он пробыл с дамами и был чересчур приятен, чтобы Кэтрин возрадовалась, когда он уходил. Пред расставаньем, впрочем, они уговорились, что спланированная прогулка будет предпринята наискорейшим манером; и, если не поминать горести его ухода из ложи, Кэтрин в целом стала одним из счастливейших людей на земле.

Пока они беседовали, Кэтрин с некоторым удивленьем узрела, что Джон Торп погружен в беседу с генералом Тилни, хотя в обществе джентльмены сии ни единожды не бывали

вместе более десяти минут; и не просто удивленье охватило юную деву, когда ей почудилось, что предметом их вниманья и разговоров является она сама. Что они могут о ней говорить? Она страшилась, что генералу Тилни пришлось не по нраву ее облик: Кэтрин сочла, что он не допустил ее к дочери по сей причине, а не потому, что боялся отложить свою прогулку на несколько минут.

– Откуда господин Торп знает вашего отца? – в тревоге спросила она, указывая на них своему визави. Тот не мог ничего сообщить; впрочем, отец его, как всякий военный, располагает обширным кругом знакомств.

Когда развлечение завершилось, Торп подошел, дабы помочь дамам выбраться. Кэтрин тотчас стала мишенью его галантности; и, пока в вестибюле они ждали портшеза, Торп предвосхитил вопрос, из глубин души Кэтрин уже почти долетевший до кончика ее языка, спросив весьма важно, заметила ли она, что он беседовал с генералом Тилни.

– Славный старик, честью клянусь! Крепкий, деятельный – молод, как его сын. Мне он весьма по душе, уверяю вас: благороднейший, отменнейший господин на свете.

– Как вы с ним познакомились?

– Познакомился? Да в городе немного найдется таких, кого я не знаю. Я его то и дело встречал в «Бедфорде» и мигом узнал лицо, как только он в бильярдную забрел. Один из лучших игроков, кстати говоря; мы с ним чуток покатали шары, хотя я его поначалу едва ль не боялся: шансы пять к

четырем против меня, и если б не мой блестящий удар – такого, наверное, во всем в мире не бывало, – точнехонько его шар взял, – но без стола я вам не объясню; короче, я его *побил*. Замечательный господин; богат, как жид. Хорошо бы с ним отобедать; у него, я вам так скажу, отменные обеды. Но о чем же мы беседовали, как по-вашему? О вас. Честное слово! И генерал полагает вас изысканнейшей девицею в Бате.

– Ах! Какая чепуха! Зачем вы так говорите?

– И что, как по-вашему, я ему ответил? – Понизив голос: – Блестяще, генерал, сказал я; совершенно с вами согласен.

Тут Кэтрин, чью душу существенно менее грело его восхищенье, нежели комплимент генерала Тилни, вовсе не пожалела, что ее позвал г-н Аллен. Торп, однако, проводил юную деву до портшеза и, пока та не села, изливал подобную деликатную лесть, невзирая на ее мольбы перестать.

Совершенно восхитительно: генерал Тилни вовсе не питает к ней неприязни – напротив, восхищается ею; и Кэтрин радовалась, что отныне ей не потребно страшиться встречи с любым членом семейства Тилни. Вечер осчастливил ее более, гораздо более, нежели можно было ожидать.

Глава XIII

Пред взором читателя промелькнули ныне понедельник, вторник, среда, четверг, пятница и суббота; события всякого дня изложены, надежды и страхи, униженья и удовольствия по отдельности явлены, и, дабы завершить неделю, осталось только описать воскресные страдания. Клифтонский план был отсрочен, но не отменен и опять вспомнен с нарастающим днем. В кулуарных переговорах меж Изабеллой и Джеймсом – у первой душа лежала к поездке, второй с равным рвением желал доставить деве радость – было уговорено, что, если день выдастся ясный, путешествие состоится назавтра утром; и они отправятся очень рано, дабы вовремя вернуться домой. Когда они подобным образом сталкивались и получили одобрение Торпа, оставалось лишь известить Кэтрин. Та на несколько минут отошла побеседовать с юной г-жою Тилни. За эти минуты план был завершен, и едва Кэтрин вернулась, от нее потребовали согласия; однако, вопреки ожиданиям Изабеллы, Кэтрин не являла жизнерадостной готовности, глядела серьезно, очень сожалела, но поехать не могла. Уговор, коему надлежало помешать ей примкнуть к их экскурсии на днях, воспрещает присоединиться к ним теперь. Только что она условилась с юной г-жою Тилни относительно обещанной прогулки завтра; все решено, и она ни при каком условии сего не отменит. Однако она *должна* отменить

и *отменит* – сим пылким воплем ответствовали брат и сестра Торп; им необходимо поехать завтра в Клифтон, без нее они не поедут, еще на день отложить обычную прогулку – пара пустяков, и об отказе Кэтрин они и слышать не желают. Кэтрин расстроилась, но не сдалась:

– Не проси меня, Изабелла. Я условилась с юной госпожою Тилни. Я не могу поехать.

Вотще. На нее обрушились те же доводы; она должна поехать, она поедет, и об отказе они не желают слышать.

– Легче легкого сказать юной госпоже Тилни, что тебе напомнили сейчас о давнем уговоре и ты просишь ее отложить прогулку до вторника.

– Ничего не легче легкого. Я не могу. Не было никакого давнего уговора.

Но Изабелла только больше упорствовала, умоляла Кэтрин наимягчайшим манером и называла наинежнейшими именами. Она не сомневалась, что ее драгоценнейшая, бесценнейшая Кэтрин не откажет всерьез в столь пустяковой просьбе той, кто любит ее так беззаветно. Изабелла знает, что сердце возлюбленной ее Кэтрин чувствительно, нрав ее добр, а посему она с легкостью уступит мольбе тех, кого любит. Но все напрасно; Кэтрин полагала, что права, и, хотя сии ласковые лестные мольбы причиняли ей боль, не позволяла себе поддаться. Тогда Изабелла испробовала другую методику. Кэтрин, с упреком молвила ее подруга, к юной г-же Тилни, кою знает столь недавно, питает большую привязан-

ность, нежели к лучшим и старейшим друзьям; Кэтрин, говоря кратко, охладела к Изабелле, разлюбила ее.

— Я поневоле ревную, Кэтрин, видя, как мною пренебрегают ради чужаков, — мною, кто любит тебя так безмерно! Ничто на свете не в силах поколебать мои привязанности, едва они возникли. Но, мнится мне, чувства мои сильнее, чем у всех прочих; о да, они слишком сильны, и не видать мне покоя; видя, как наша дружба вытеснена чужаками, я, не скрою, поистине уязвлена. Эти Тилни как будто поглощают все вокруг.

Сей упрек Кэтрин сочла равно странным и недобрым. Подобаает ли Изабелле раскрывать чувства подруги пред остальными? Ей представлялось, что Изабелла невеликодушна и себялюбива, безразлична ко всему, помимо собственных удовольствий. Сии болезненные мысли промелькнули в голове Кэтрин, хотя юная дева ни слова не молвила. Изабелла тем временем отирала глаза платочком, а Морлэнд, коего мучило сие зрелище, не удержался и сказал:

— Ну правда, Кэтрин, ты же не станешь упрямитесь дольше. Жертва невелика, а угодить такой подруге... я сочту, что ты весьма бесчеловечна, если ты все-таки откажешься.

Впервые брат открыто выступил против Кэтрин, и, стремясь избежать его неудовольствия, она предложила уступку. Если они отложат поездку до вторника, что легко осуществимо, ибо зависит лишь от них самих, она поедет с ними, и все будут довольны. Однако:

– Нет-нет-нет! – тотчас ответили ей. – Сие невозможно, ибо Торп еще не знает, не придется ли ему во вторник отправиться в город.

Кэтрин сожалела, но более ничего поделать не могла; воцарилась краткая пауза, кою прервала Изабелла, с холодным негодованьем молвившая:

– Ну что же, хорошо, – значит, конец нашей экскурсии. Если Кэтрин не едет, я тоже не могу. Я не могу быть единственной дамой. Ни за что на свете я не поступлю столь неподобающим образом.

– Кэтрин, ты должна поехать, – сказал Джеймс.

– Но почему господин Торп не может взять одну из сестер? Я думаю, любая из них захочет прокатиться.

– Ну спасибочки! – вскричал Торп. – Я приехал в Бат не для того, чтобы катать сестер и дураком выставляться. Нет уж, если вы не едете, ч... меня побери, если поеду я. Я еду, только чтоб вас катать.

– Сей комплимент вовсе не доставляет мне удовольствия. – Но Торп, внезапно удалившись, ее слов не уловил.

Трое остальных шли далее манером, для бедной Кэтрин весьма неудобным; порою никто не говорил ни слова, порою же ее вновь осыпали мольбами и упреками, а рука ее пребывала сплетена с рукою Изабеллы, хотя сердца их враждовали. Кэтрин то смягчалась, то раздражалась; пребывала огорчена, однако неколебима.

– Я и не думал, что ты такая упрямая, Кэтрин, – сказал

Джеймс. — Прежде ты легче поддавалась уговорам; прежде ты была добрейшей, благодущнейшей из моих сестер.

— Надеюсь, такой я и остаюсь, — отвечала она с немалым чувством. — Но я в самом деле не могу поехать. Даже если я не права, я поступаю так, как мне представляется верным.

— Подозреваю, — понизив голос, заметила Изабелла, — что борьба не была мучительной.

Сердце Кэтрин переполнилось; она отдернула руку, и Изабелла не воспротивилась. Так миновали долгие десять минут, пока не вернулся повеселевший Торп; приблизившись, он возвестил:

— Ну-с, я все уладил, и теперь мы с чистой совестью можем завтра отправляться. Я поболтал с юной госпожой Тилни и за вас извинился.

— Не может быть! — вскричала Кэтрин.

— Может, честью клянусь. Только что от нее. Сказал ей, мол, вы послали меня сообщить, что сию минуту вспомнили уговор поехать с нами завтра в Клифтон, а посему до вторника не будете иметь удовольствия с нею погулять. Она сказала — хорошо, вторник ей вполне удобен; вот наши затруднения и разрешились. Удачно я придумал, а?

Изабелла вновь просияла довольными улыбками, и Джеймс тоже воспрянул.

— Просто божественнейшая мысль! Ну, бесценная моя Кэтрин, все наши огорчения позади; ты достойно оправдана, и все мы восхитительно повеселимся.

– Так не пойдет, – сказала Кэтрин. – Я на такое согласиться не могу. Я тотчас побегу за юной госпожой Тилни и все ей объясню.

Изабелла, однако, поймала ее за руку, Торп – за другую, и все трое спутников обрушили на Кэтрин увещеванья. Даже Джеймс всерьез рассердился. Раз все уладилось, раз юная г-жа Тилни сама сказала, что вторник ее тоже устроит, нелепо, абсурдно долее сопротивляться.

– Мне все равно. Господин Торп напрасно сочинял от меня посланье. Если б я считала, что подобает отложить нашу прогулку, я поговорила бы с юной госпожой Тилни сама. Так вышло только грубее; и откуда мне знать, что господин Торп... Может, он снова ошибся; своей ошибкою он уже вынудил меня к грубости в пятницу. Пустите меня, господин Торп; Изабелла, не держи меня.

Торп сообщил, что преследовать Тилни тщетно; когда он их нагнал, они сворачивали на Брок-стрит, а ныне уже дома.

– Значит, я пойду за ними, – отвечала Кэтрин, – я пойду за ними, где они ни есть. Без толку меня уговаривать. Если я не сделала то, что сочла неправильным, хитростью вы меня не заставите.

С этими словами она вырвалась и заспешила прочь. Торп ринулся было за нею, однако Морлэнд его удержал:

– Пускай идет, пускай идет, раз ей охота. Упрямая, как...

Торп так и не завершил сравнения, ибо сомнительно, что таковое было бы подобающим.

В великой ажитации Кэтрин спешила прочь, насколько позволяла ей толчея; она страшилась погони, однако не намеревалась отступить. На ходу обдумывала она случившееся. Разочаровать и расстроить их было больно, в особенности расстроить брата; однако она не раскаивалась в своем упорстве. И помимо собственных желаний, второй раз не сдержать слова, данного юной г-же Тилни, отменить обещанье, охотно данное лишь пятью минутами ранее, и к тому же под надуманным предлогом, — явно дурно. Кэтрин сопротивлялась не из себялюбия одного, искала не только собственных удовольствий — *сие* отчасти подтверждается самой экскурсией, визитом в замок Блэйз; нет, она думала о том, как надлежит поступать с другими и что они подумают о ней. Убежденности в своей правоте ей, однако, недоставало, чтобы взять себя в руки; она не успокоится, пока не поговорит с юной г-жою Тилни; и, удаляясь от Полумесяца и ускорив шаг, она почти пробежала остаток пути до начала Милсом-стрит. Так поспешала Кэтрин, что, невзирая на преимущество семейства Тилни вначале, она узрела их, когда они только сворачивали к себе; и поскольку у открытой двери еще стоял слуга, юная дева ограничила церемонии, сказав лишь, что ей необходимо поговорить с юной г-жою Тилни сию секунду, и мимо слуги побежала вверх. Там, распахнув первую же попавшуюся дверь, каковая оказалась нужной дверью, Кэтрин очутилась в гостиной с генералом Тилни, его сыном и дочерью. Объяснение, лишь постольку неудачное —

ибо нервы юной девы были истерзаны, а воздуху не хватало, — поскольку вовсе таковым не являлось, было изложено тотчас:

— Я ужасно торопилась... Это все недоразумение... Я совсем не обещала ехать... Я им сразу сказала, что не поеду. Я хотела объясниться, бежала со всех ног. Мне все равно, что вы обо мне подумаете. Я не дождалась слуги.

Сие дело, хоть и не вполне проясненное вышеизложенной рацеей, вскоре лишилось флера загадочности. Кэтрин обнаружила, что Джон Торп *и впрямь* передал юной г-же Тилни посланье; и та не колеблясь призналась, сколь велико было ее удивленье. Однако превзошел ли сии переживанья гнев брата, Кэтрин, свою оправдательную речь безотчетно излагавшая им обоим, узнать никак не могла. Каковы бы ни были чувства до ее появления, пылкие декларации ее тотчас пропитали всякий взгляд и всякую реплику дружелюбием, о каком она могла только мечтать.

Едва затрудненье счастливо разрешилось, юная г-жа Тилни представила Кэтрин отцу, и тот принял последнюю с такой охотою, с такой заботой и вежливостью, что на ум ей пришли уверенья Торпа, и она с удовольствием подумала, что когда-нибудь сможет рассчитывать на генерала. Любезность его доходила до таких пределов чуткого внимания, что, не будучи осведомлен о необычайной стремительности Кэтрин, он немало рассердился на слугу, чье небреженье понудило гостью самой открыть дверь в апартамент. О чем

только Уильям думал? Генерал непременно выяснит, в чем дело. И если бы Кэтрин с немалым жаром не подтвердила безвинность слуги, прыткость гостыи могла бы, по видимости, навсегда стоять Уильяму хозяйского благорасположения, если не места.

Просидев с семейством четверть часа, Кэтрин собралась уходить и была весьма приятственно удивлена просьбою генерала Тилни оказать честь его дочери, отобедав и проведя с нею остаток дня. Юная г-жа Тилни поддержала сие приглашение. Кэтрин была безмерно признательна; однако сие оказалось не в ее власти. Г-н и г-жа Аллен ожидают ее с минуты на минуту. Генерал ответствовал, что не вымолвит более ни слова; обязательства пред г-ном и г-жою Аллен отменяют все прочие; но, он надеется, в иной день, если приглашение будет дано заранее, они не откажутся отпустить ее к подруге. Ах, нет; Кэтрин уверена, что они нимало не станут возражать, и с огромным удовольствием придет. Генерал самолично проводил ее до двери, на лестнице был галантен до невозможности, восхищался упругостью ее походки, коя так подобает ее манере танцевать, и на прощанье отвесил ей изящнейший поклон, какой она только лицезрела.

Кэтрин, в восторге от всего произошедшего, бодро устремилась на Палтни-стрит, шагая, по ее мнению, весьма упруго, хотя прежде ей такое в голову не приходило. Она добралась домой, не встретив никого из обидчиков; и теперь, одержав победу, добившись своего и уверившись в неизбежно-

сти прогулки, она (едва унялся сердечный трепет) усомнилась, совершенно ли была права. Жертва всегда благородна; и, уступив их мольбам, Кэтрин была бы избавлена от огорчительной мысли о том, что подруга расстроена, брат рассержен, а их общие планы великого счастья уничтожены – быть может, ее рукою. Дабы облегчить душу и выслушать, что думает о ее поведении персона непредубежденная, юная дева нашла случай при г-не Аллене помянуть полуусловленные завтрашние планы брата и Торпов. Г-н Аллен поддержал беседу.

– Ну, – молвил он, – и вы тоже намереваетесь поехать?

– Нет; я уговорилась о прогулке с юной госпожою Тилни прежде, чем они мне сказали; поэтому я ведь и не могла бы поехать с ними, правда?

– Разумеется; и я рад, что вы об этом не помышляете. Эти идеи отнюдь не благотворны. Молодые мужчины и женщины раскатывают за городом в открытых экипажах! Изредка – куда ни шло; но вместе ездить на постоянные дворы, в общество! Так не годится; и я недоумеваю, отчего госпожа Торп сие дозволяет. Я рад, что вы не планируете ехать; я уверен, госпоже Морлэнд сие бы не понравилось. Госпожа Аллен, вы поддержите меня? Вам не кажется, что подобные прожекты сомнительны?

– Да, совершенно с вами согласна. Открытые экипажи – страшное дело. Чистое платье не проживет в них и пяти минут. Мараешься садясь и мараешься выходя; да еще ветер

как попало треплет волосы и шляпку. Лично я не выношу открытые экипажи.

– Сие мне известно; однако вопрос не в этом. Вам не кажется, что выглядит странно, если молодые дамы часто катаются в открытых экипажах с молодыми джентльменами, кои им не родственники?

– Да, мой дорогой, ужас как странно выглядит. Просто невыносимо смотреть.

– Милая сударыня, – вскричала Кэтрин, – отчего же вы не сказали прежде? Если б я знала, что сие не подобает, я бы во все не поехала с господином Торпом; но я всегда надеялась, что вы укажете мне на ошибку, если я поступлю неверно.

– И я укажу, моя дорогая, можешь не сомневаться; ибо, как я сказала госпоже Морлэнд при расставании, я сделаю для тебя все, что в моих силах. Но не следует чрезмерно привередничать. Молодежь – *всегда* молодежь, так говорит и твоя добрая матушка. Помнишь, когда мы только прибыли, я не хотела, чтобы ты покупала тот узорчатый муслин, но ты настаивала. Молодежь не любит, когда ей во всем перечат.

– Но сие было поистине важно; и мне представляется, что убедить меня оказалось бы вовсе не сложно.

– Беды пока не случилось, – сказал г-н Аллен, – и я бы лишь посоветовал вам, моя дорогая, больше не ездить с господином Торпом.

– Я как раз хотела это сказать, – прибавила его супруга. Кэтрин, с чьей души спало бремя, забеспокоилась об Иза-

белле и, минуту поразмыслив, спросила г-на Аллена, не будет ли равно уместно и любезно написать юной г-же Торп и объяснить всю неблагопристойность положенья, кою подруга не сознает, как не сознавала Кэтрин; ибо последней думалось, что в противном случае, невзирая на произошедшее, Изабелла наавтра отправится в Клифтон. Г-н Аллен, однако, ее отговорил.

— Лучше не вмешивайтесь, моя дорогая; она достаточно взрослая, понимает, что делает, а если нет — у нее есть матушка, коя ее наставит. Госпожа Торп, без сомненья, чрезмерно снисходительна; но вам лучше не вмешиваться. Юная госпожа Торп и ваш брат предпочитают поехать в Клифтон, а вы добьетесь лишь их недоброжелательства.

Кэтрин подчинилась и, сожалея о том, что Изабелла поступает неправильно, возрадовалась, что г-н Аллен одобрил ее собственное поведение, и искренне ликовала, ибо его совет уберег ее от опасности совершить ту же ошибку. Ее спасенье от поездки в Клифтон ныне обернулось воистину спасеньем; ибо что подумали бы о ней Тилни, нарушь она данное им обещанье, дабы совершить то, что неверно само по себе; будь она виновна в одном нарушении приличий, кое дозволило бы ей совершить другое?

Глава XIV

Утро выдалось ясное, и Кэтрин почти ожидала нового штурма клифтонской экспедиции. Юная дева сего не страшилась, ибо ее поддержит г-н Аллен, но с удовольствием избежала бы столкновенья, в коем сама победа болезненна, и посему от всего сердца возрадовалась, никого не увидев и ни от кого не получив вестей. В урочный час за нею зашли Тилни; и поскольку не возникло новых затруднений, ни единое внезапное воспоминанье, ни единая неожиданная нужда и никакое дерзкое вмешательство не расстроили их намерений, моя героиня весьма неестественным манером умудрилась сдержать слово, хотя таковое дано было самому герою. Они вознамерились прогуляться вокруг Бичен-Клифф, сего величественного холма, кой прекрасная зелень и плакучий подлесок обращают в роскошнейшее зрелище при взгляде почти из всякого местоположенья в Бате.

– Всякий раз, глядя на него, – сказала Кэтрин, когда они шли берегом реки, – я думаю о юге Франции.

– Так вы были за границую? – в некотором удивлении спросил Генри.

– Ах нет, я хотела сказать – о том, что я читала. Он всегда наводит меня на мысль о краях, где путешествовали Эмили с отцом в «Удольфских тайнах». Но вы, надо думать, никогда не читаете романов?

– Отчего же?

– Оттого, что они для вас недостаточно умные, – джентльмены читают книжки получше.

– Персона, коя не умеет насладиться хорошим романом, – будь то джентльмен или же дама, – вероятно, невыносимо глупа. Я прочел все работы госпожи Рэдклифф, и по большей части – с превеликим удовольствием. Едва приступив к «Удольфским тайнам», я не мог их закрыть; помню, я прочел их за два дня – и все два дня волосы у меня стояли дыбом.

– Да, – прибавила юная г-жа Тилни, – а я помню, что ты взялся читать их мне вслух, и, когда меня позвали всего лишь на пять минут, дабы ответить на записку, ты, не дождавшись меня, взял книгу с собою на тропу отшельника, и мне пришлось ждать, пока ты дочитаешь.

– Благодарю, Элинор, – свидетельство твое весьма достойно. Теперь вы видите, госпожа Морлэнд, сколь несправедливы ваши подозренья. Я в нетерпении своем отказался подождать сестру всего лишь пять минут, нарушил обещанье прочесть ей вслух, на самом интересном месте понудил ее томиться в неизвестности, сбежав с книгою, каковая, следует заметить, принадлежала ей, лично ей. Вспоминая сие, я горжусь собою; полагаю, ныне я заслужу ваше доброе мнение.

– Я и впрямь очень рада сие слышать и сама никогда более не устыжусь того, что люблю «Удольфские тайны». Однако прежде я полагала, будто молодые люди потрясающе презирают романы.

– Сие *потрясающе*; равно, если дело обстоит так, невольно *потрясаешься* – ибо молодые люди читают едва ли меньше дам. Я сам прочел многие сотни. Не подумайте, будто в силах тягаться со мною познаниями касательно Джулий и Луиз. Если мы углубимся в детали и погрузимся в нескончаемые расспросы «Читали ль вы это?» и «Читали ль вы то?», я вскоре оставлю вас далеко позади, подобно – как же мне выразиться? – я хочу найти уместное уподобление – подобно любезной вашему сердцу Эмили, коя оставила беднягу Валанкура, с тетушкой отправившись в Италию²⁶. Вдумайтесь, насколько раньше вас я начал. Я приступил к изысканиям в Оксфорде, когда вы были славной маленькой девочкой и трудились дома над вышивкою!

– Не такой уж славной, я боюсь. Но серьезно, разве не считаете вы, что «Удольфские тайны» – самая замечательная книга на свете?

– Самая замечательная – под чем вы, я полагаю, разумеете «самая заметная». Сие, пожалуй, зависит от переплета.

– Генри, – сказала юная г-жа Тилни, – ты весьма бесцеремонен. Госпожа Морлэнд, он обращается с вами в точности как со своей сестрою. Он вечно придирается ко мне за какие-нибудь неточности языка, а теперь допускает подобную

---

²⁶ Имеется в виду поворот сюжета в романе «Удольфские тайны»: главная героиня Эмили путешествует вместе с отцом и влюбленным в нее Валанкуром по Швейцарии; после смерти отца его сестра мадам Шерон получает опеку над племянницей и, выйдя замуж за негодя Монтони, вместе с ним и подопечной отправляется в замок Удольфо.

вольность с вами. Слово «замечательный», кое вы произнесли, не удовлетворяет его; лучше вам заменить это слово как можно скорее, или весь остаток пути на нас будут изливать Джонсона и Блэра²⁷.

– Но я же не хотела сказать дурного! – вскричала Кэтрин. – Это же *замечательная* книга, и отчего мне не называть ее таковой?

– Истинная правда, – отвечал Генри, – и нынче замечательный день, мы весьма замечательно гуляем, а вы – две замечательные дамы. О, сие и вправду замечательное слово! Подходит ко всему. Вероятно, изначально оно применялось, дабы выразить лишь заметность, исключительность, изящество или изысканность – люди были замечательны своими нарядами, своими чувствами или решениями. Ныне же одно сие слово составляет любую похвалу по любому поводу.

– Хотя в действительности, – вскричала его сестра, – его следует применять лишь к тебе и без всякой притом похвалы! Ты более замечателен, нежели рассудителен. Ну, госпожа Морлэнд, пускай размышляет о наших прегрешеньях против великого искусства стиля, а мы станем хвалить «Удольфские тайны» теми словами, кои сочтем наилучшими. Весьма интересный роман. Вы любите подобное чтение?

– Говоря правду, я не слишком склонна к любому друго-

---

²⁷ Английский поэт, критик и лексикограф Сэмюэл Джонсон был автором «Словаря английского языка» (1755). Хью Блэр (1718–1800) – шотландский священник, литератор, теоретик изящной словесности, автор «Лекций по риторике и изящной словесности» (1783).

му.

– В самом деле?

– Ну, я могу читать стихи, и пьесы, и прочие подобные книжки; мне довольно приятны путевые заметки. Но история, настоящая серьезная история – сие никак меня не интересует. А вас?

– Да, я люблю историю.

– Я бы рада тоже полюбить. Я немножко читала, потому что было надо, но все, что читаю, меня злит либо изнуряет. Что ни страница, склоки пап и королей, войны или мор; мужчины сплошь никчемны, а женщин и вовсе нет – это очень утомительно; и все же я часто думаю, сколь странно, что сие так скучно, ибо по большей части наверняка сочинено. Речи, что вложены в уста героев, их мысли и планы – почти все сие наверняка сочинено, а в других книгах сочинительство меня восторгает.

– Значит, вы думаете, – сказала юная г-жа Тилни, – что в своих полетах фантазии историки несчастливы. Они являют воображение, не вызывая интереса. Я люблю историю – и охотно соглашаюсь поглощать вымысел вместе с правдою. В отношении основных фактов авторы располагают источниками в прежних историях и хрониках, кои, мне представляется, правдивы, насколько может быть правдиво все, что не является наблюденьями очевидца; а что до приукрашиваний, о коих вы говорите, то сие приукрашиванья, и их я люблю как таковые. Если речь написана удачно, я прочту ее с удо-

вольствием, кто бы ее ни написал, – и, возможно, с большим удовольствием, если она творенье господина Юма или господина Робертсона²⁸, нежели если сие подлинные слова Каратака, Агриколы или Альфреда Великого²⁹.

– Вы любите историю! Господин Аллен тоже, а равно мой отец; и два моих брата не питают к ней неприязни. Столько примеров в столь узком кругу моих друзей – просто удивительно! В таком случае я не стану более жалеть тех, кто пишет исторические труды. Если людям нравится читать их книги, значит, все хорошо; но какая была бы маета – заполнять толстые тома, в кои, как я прежде полагала, никто не согласится заглянуть по доброй воле, трудиться лишь ради мучений маленьких мальчиков и девочек, – сие мне всегда представлялось удручающей судьбою; и хотя я знаю, что все это очень хорошо и необходимо, я часто удивлялась, какой отвагой должно обладать, дабы делать сие нарочно.

---

²⁸ Дэвид Юм (1711–1776) – шотландский философ, экономист и историк, автор собрания трудов «История Англии» (1754–1762). Уильям Робертсон (1721–1793) – шотландский историк, ректор Университета Эдинбурга, автор ряда трудов по истории Англии, Шотландии и Америки.

²⁹ Каратак – король бриттского племени катувеллаунов, возглавивший уэльские племена силуров и ордовиков в борьбе против римского завоевания в 50 г. н. э.; вероятно, прототип персонажа валлийских легенд Карадога. Гней Юлий Агрикола (39–93) – римский полководец и государственный деятель, был консульским легатом в Британии, где расширил владения римлян. Альфред Великий, «Король саксов» (849–899) – король Уэссекса и литератор, герой множества народных преданий, под водительством которого саксы разгромили датчан (норманнов).

– Маленьким мальчикам и девочкам надлежит мучиться, – сказал Генри, – и сего не сможет отрицать любой, кто знаком с человеческой природою в цивилизованном ее состоянии; однако в защиту наших самых выдающихся историков я принужден заметить, что их, по вероятию, оскорбило бы предположение, будто у них отсутствует более высокая цель, и что метод и стиль их блестяще пригодны, дабы мучить читателей весьма развитого ума и зрелого возраста. Я использую глагол «мучить» вместо «просвещать», ибо заметил, что таков ваш подход; я догадываюсь, что ныне слова сии полагаются синонимами.

– Вы считаете, что я дурочка, ибо называю просвещение мукой, но, если б вы, подобно мне, были привычны к зрелищу бедных деток, что лишь учатся читать, а затем писать, если б вы когда-нибудь видели, сколь глупы бывают они целое утро кряду и сколь устает моя бедная матушка к обеду, как я имею обыкновение видеть дома каждодневно, вы согласились бы, что «мучить» и «просвещать» порою возможно счесть синонимами.

– Вполне вероятно. Однако историки не в ответе за трудности обучения читать; и даже вас, кто в целом, по видимости, не питает особой склонности к суровейшему, напряженнейшему усердию, наверное, возможно убедить, что стоит мучиться два или три года жизни, дабы на весь остаток ее обрести способность к чтению. Вдумайтесь – если б сему не учили, госпожа Рэдклифф писала бы втуне или, быть может,

не писала бы вовсе.

Кэтрин согласилась – и ее весьма пылкий панегирик достоинствам упомянутой дамы завершил сию дискуссию. Вскоре Тилни увлеклись другою, в коей спутница их ни слова вставить не могла. Брат и сестра озирали окрестности глазами тех, кто привычен к рисованью, и со всем жаром подлинного вкуса рассуждали о том, насколько способны оные окрестности обратиться в картины. В сем Кэтрин решительно ничего не смыслила. Она ничего не знала о рисовании – и ничего о вкусе; она слушала со вниманьем, кое приносило ей мало пользы, ибо Тилни беседовали фразами, в коих она едва ли различала суть. Впрочем, то немногое, что она уразумела, явно противоречило скудным представлениям о предмете, имевшимся у нее прежде. Похоже, красивый вид более не открывался с вершины высокого холма, а ясное синее небо не подтверждало великолепия дня. Кэтрин искренне стыдилась своего невежества. Неуместный стыд. Если желаешь добиться привязанности, яви невежество. Развитый ум означает неспособность потакать чужому тщеславию, чего разумный человек всегда желает избежать. Женщина в особенности, имея несчастье знать что бы то ни было, должна скрывать сие, как только возможно³⁰.

Преимущества естественной глупости прелестной девы

---

³⁰ Парафраз максимы французского писателя-моралиста Франсуа де Ларошфуко (1613–1680).

уже были превосходно описаны моей сестрою по перу;³¹ и к ее изложению – справедливости к мужчинам ради – я лишь добавлю, что, хотя для суетного большинства их пола тупоумие женщины немало усугубляет ее очарование, есть и другие, коим собственные разум и просвещенность не позволяют искать в женщине одного лишь невежества. Кэтрин, однако, не признавала своих преимуществ – не знала, что миловидная девушка с нежным сердцем и весьма невежественным умом неизбежно привлечет умного молодого человека, если обстоятельства не особо сему препятствуют. В нынешнем случае она признала и оплакала недостаток знаний, сообщила, что все на свете отдала бы за умение рисовать; и немедленно последовала лекция о живописности, в коей объяснения Генри были столь прозрачны, что вскоре она стала различать красоту во всем, чем восхищался он, а внимание ее было столь неотступно, что он совершенно уверился в развитости ее природного вкуса. Он говорил о передних планах, задних и средних – о профильных видах и перспективах – о тени и свете; и Кэтрин оказалась столь многообещающей ученицей, что, когда они забрались на вершину Бичен-Клифф, сама отвергла весь город Бат как объект, недостойный явиться на пейзаже. Восторгаясь ее успехами и страшась утомить деву чрезмерным грузом мудрости, Генри позволил сему разговору угаснуть, и простой переход от участка скалы и чахлого дуба, кой Генри поместил у подножия оной, к дубам вообще,

---

³¹ Имеется в виду роман Фэнни Бёрни «Камилла».

затем к лесам, к их огораживанию, пустырям, коронным землям и правительству вскоре привел молодого человека к политике; от политики же ему грозил шаг к безмолвию. Общему молчанию, кое последовало за кратким экскурсом Генри в состояние нации, положила конец Кэтрин, гласом весьма замогильным изрекшая нижеследующее:

– Я слышала, вскорости в Лондоне выйдет нечто совершенно возмутительное.

Юная г-жа Тилни, коей сие в основном и предназначалось, вздрогнула и торопливо отвечала:

– В самом деле! И какого же сорта?

– Сего я не знаю, и равно не знаю, кто создатель. Я только слышала, что будет оно жутче всего, с чем мы сталкивались прежде.

– Боже всемогущий! От кого же вы сие слышали?

– Моей близкой подруге вчера поведали о том в письме из Лондона. Будет ужасно до необычайности. Я ожидаю кровопролития и прочего в том же роде.

– Сколь удивительно ваше самообладанье! Но, надеюсь, рассказы вашей подруги преувеличены; если о подобных планах известно заранее, правительство, несомненно, примет меры, дабы сие не осуществилось.

– Правительство, – молвил Генри, стараясь не улыбаться, – не хочет и не смеет вмешиваться в подобные дела. Кровопролитие неизбежно, и правительству безразлично, многие ли падут.

Дамы усталились на него. Он засмеялся и прибавил:

– Ну же, изъяснить ли мне вам друг друга или предоставить озадаченно искать разгадку? Нет-нет, я буду благодарен. Докажу, что я мужчина, равно великодушьем сердца и ясностью рассудка. Не терплю своих собратьев, кои не опускаются порою до талантов к постижению, коими обладает ваш пол. Возможно, способности женщин лишены крепости или же остроты – силы или изощренности. Возможно, им недостает наблюдательности, проницательности, рассудительности, пылкости, гения и остроумья.

– Госпожа Морлэнд, не обращайтесь вниманья на его слова; но будь добр, поведай мне о сем ужасном бунте.

– Бунте? Каком бунте?

– Милая моя Элинора, бунт творится лишь у тебя в голове. Постыдная путаница. Госпожа Морлэнд говорила всего лишь о новой книге, что выйдет вскоре, – ничего ужаснее; двенадцатая часть листа, в трех томах по двести семьдесят шесть страниц, фронтиспис с двумя надгробьями и фонарем; понимаешь? А вы, госпожа Морлэнд, – моя глупая сестра неверно истолковала наияснейшие ваши реплики. Вы говорили об ожидаемых ужасах в Лондоне – и вместо того, чтобы, подобно любому разумному созданию, мгновенно уразуметь, что ваши слова относиться могут лишь к общественной библиотеке, она тотчас вообразила себе три тысячи человек, что толпятся на Сент-Джордж-Филдз, нападение на Банк, угрозу Тауэру, потоки крови на лондонских

улицах, командированье Двенадцатого драгунского (надежды нации) из Нортгемптона для подавления бунтовщиков и отважного капитана Фредерика Тилни, в миг, когда он ведет в атаку свой отряд, сбитого с лошади обломком кирпича, брошенным из верхнего окна. Простите ее недомыслие. Женская слабость усугублена сестринскими страхами; однако в целом она отнюдь не простофиля.

Кэтрин взирала на него со всей серьезностью.

– А теперь, Генри, – молвила юная г-жа Тилни, – изъяснив нас друг другу, ты мог бы изъяснить госпоже Морлэнд себя – если не желаешь, чтобы она полагала, будто ты невыносимо дерзок с сестрою и непомерно груб в отношении женщин вообще. Госпожа Морлэнд непривычна к твоим чудным повадкам.

– Я буду беспредельно счастлив познакомить ее с ними получше.

– Несомненно; однако ныне сие ничего не объясняет.

– Как мне поступить?

– Ты знаешь, как тебе надлежит поступить. Обели себя пред нею. Скажи, что высоко ценишь ум женщин.

– Госпожа Морлэнд, я высоко ценю ум всех женщин мира – в особенности тех – кем бы они ни были, – подле которых пребываю.

– Сего недостаточно. Посерьезнее, прошу тебя.

– Госпожа Морлэнд, никто не может ценить ум женщин выше, нежели я. По моему мнению, природа одарила их

столь щедро, что они никогда не почитают необходимым использовать более половины сего дара.

— Серьезности мы от него сейчас не добьемся, госпожа Морлэнд. Он нынче к здравомыслию не склонен. Но уверяю вас, что вы поймете его совершенно неверно, если вам покажется, будто он несправедлив к любой женщине или недобр ко мне.

Убедить Кэтрин, что Генри Тилни безгрешен, не составило труда. Манера его порою удивляла, однако намеренья всегда были праведны, и Кэтрин готова была восхищаться тем, чего не понимала, едва ли меньше, нежели тем, что понимала вполне. Вся прогулка получилась изумительная и хотя закончилась чересчур скоро, завершение ее тоже оказалось изумительным; друзья проводили Кэтрин до дома, и юная г-жа Тилни перед расставаньем весьма почтительно обратилась равно к г-же Аллен и Кэтрин, моля одарить ее радостью общества последней за обедом послезавтра. Г-жа Аллен без труда согласилась, а труды Кэтрин ограничились сокрытием безграничности ее наслаждения.

Утро миновало столь очаровательным манером, что изгнало из души Кэтрин любую дружбу и естественную привязанность, ибо ни единой мысли об Изабелле или Джеймсе не посетило ее на прогулке. Когда Тилни отбыли, Кэтрин вновь исполнилась дружелюбия, однако сие некоторое время не приносило результатов; г-жа Аллен не располагала сведениями, кои облегчили бы волнение протеже, и ни единой ве-

сточки от экскурсантов не получала. Ближе к обеду, впрочем, Кэтрин, сославшись на некий незаменимый ярд ленты, кой потребно купить незамедлительно, отправилась в город и на Бонд-стрит нагнала вторую сестру Торп, что лениво шагала к Эдгарз-билдингз меж двумя обворожительнейшими девушками на свете, кои целое утро были ее драгоценными подругами. От нее Кэтрин вскоре узнала, что поездка в Клифтон состоялась.

– Они уехали в восемь утра, – сказала юная г-жа Энн Торп, – и я вовсе им не завидую. Мне думается, нам с вами повезло, что мы избавлены от сей доуки. Скучнейшее предприятие на земле – нынче в Клифтоне ни души. Красотка поехала с вашим братом, а Джон повез Марию.

Кэтрин искренне возрадовалась подобному обустройству экскурсии.

– О да! – поддержала ее собеседница. – Мария уехала. Ужас как хотела с ними отправиться. Думала, все выйдет лучше некуда. Не могу сказать, что восхищена ее вкусом; что до меня, я с самого начала не стремилась ехать, даже если б они уговаривали.

Кэтрин, несколько в сем сомневаясь, не удержалась:

– Жаль, что вам не удалось прокатиться с ними. Какая досада, что вы не могли поехать все вместе.

– Благодарю вас; но сие мне совершенно безразлично. В самом деле, я не поехала бы ни за что на свете. Когда вы нас догнали, я так и говорила Эмили и Софии.

Сие Кэтрин все равно не убедило; но, радуясь, что Энн утешится дружбою Эмили и Софии, она распрощалась с девицами без особой неловкости и возвратилась домой, ликуя, ибо ее отказ экскурсии не помешал; от всего сердца надеялась Кэтрин, что оная экскурсия окажется наиотраднейшим предприятием, а посему Джеймс и Изабелла не станут долее обижаться на нее за сопротивление.

Глава XV

Назавтра спозаранку записка Изабеллы, в каждой строке миролюбивая и нежная, умоляющая о немедленном визите подруги по беспредельно важной причине, повлекла Кэтрин в блаженном состоянии уверенности и любопытства в Эдгарз-билдингз. Две младшие сестры Торп одиноко сидели в салоне; и едва Энн вышла, дабы позвать Изабеллу, Кэтрин воспользовалась шансом расспросить Марию о подробностях вчерашнего путешествия. Мария только и желала о сем поговорить; и Кэтрин тотчас узнала, что план был наивосхитительнейшим на свете, никто и вообразить не в силах, как это было очаровательно, и просто непостижимо, сколь восхитительно все получилось. Сии сведенья поведаны были в первые пять минут; в следующие пять минут раскрылись подробности – как они поехали напрямиком в гостиницу «Йорк», поели супу и заказали ранний обед, отправились в бювет, отведали воды и выложили несколько денег за кошельки и флуориты; засим перешли вкусить мороженого в кондитерской и поспешили в гостиницу, где торопливо проглотили обед, дабы успеть до темноты; а потом восхитительно прокатились назад, только вот луна не вставала и чуточку моросило, и еще лошадь г-на Морлэнда так устала, что еле поспевала за ними.

Кэтрин выслушала сие с искренним удовлетвореньем. Су-

дя по всему, о замке Блэйз не заходило и речи; а обо всем прочем ни мгновенья не стоило жалеть. Повествование Марии завершилось нежным изливанием жалости к сестре Энн, коя была лишена сей экскурсии и кою Мария представила несносно озлившейся.

– Наверняка она никогда меня не простит; но, понимаете, что же мне было делать? Джон понуждал меня ехать – поклялся, что не повезет ее, потому что у нее жуть какие толстые лодыжки. Я думаю, она еще месяц станет дуться; но я полна решимости не сердиться; меня не так просто вывести из себя.

Тут Изабелла вошла в салон поступью до того целеустремленной и с видом до того счастливым и важным, что подруга ее более ни на кого не смотрела. Мария была отослана без лишних церемоний, и Изабелла, обняв Кэтрин, заговорила следующим манером:

– Да, моя драгоценнейшая Кэтрин, так оно и есть; твоя прозорливость тебя не обманывает. Ах! Сей лукавый взор! Он проникает все на свете.

Кэтрин отвечала гримасою озадаченного неведения.

– Итак, возлюбленная, бесценная моя подруга, – продолжала Изабелла, – успокойся. Я, как ты догадываешься, потрясаяще ажитирована. Сядем удобнее и побеседуем. Ну, так ты догадалась, едва получила записку? Ах, озорница! О! Драгоценная моя Кэтрин, ты одна, ты, кому ведома душа моя, способна постичь нынешнее мое счастье. Твой брат –

очаровательнейший из мужчин. Мне жаль только, что я не достойна его более. Но что скажут твои превосходные отец и матушка? Ах! О Господи! Одна мысль о них волнует меня несказанно!

Разуменье Кэтрин начало просыпаться; истина внезапно ворвалась в ее сознание; и, залившись объяснимым румянцем столь нового переживания, она вскричала:

– Ох батюшки! Милая моя Изабелла, что ты хочешь сказать? Ужели... ужели ты поистине любишь Джеймса?

Вскоре она, однако, постигла, что сие смелое умозаключение составляет лишь половину правды. Трепетная привязанность Изабеллы, кою, попрекнула та подругу, Кэтрин неизменно наблюдала во всяком ее взгляде и жесте, на вчерашней экскурсии получила восхитительное подтверждение взаимной любви.

Душа Изабеллы и верность равно принадлежат Джеймсу. Никогда в жизни не слышала Кэтрин ничего интереснее, чудеснее и отраднее. Ее брат и подруга помолвлены! Не имея привычки к подобным событиям, она полагала оный факт важным до крайности и считала, что сие – одно из тех великих событий, повторенье коих едва ли допускается обыденным порядком вещей. Сила чувств ее бежала выраженья; природа их, однако, ее подругу удовлетворила. Первым делом обе прекрасные дамы излили счастье обрести друг в друге такую сестру, а затем слились в объятьях и слезах радости.

Впрочем, как ни восторгалась Кэтрин грядущим род-

ством, следует признать, что Изабелла намного обогнала ее в чувствительном предвкушении.

– Ты станешь мне столь бесконечно дороже, моя Кэтрин, нежели Энн или Мария; я чувствую, что буду безмерно сильнее привязана к драгоценнейшей моей семье Морлэнд, нежели к родным.

Сего взлета дружественности Кэтрин не постигала.

– Ты так похожа на своего драгоценного брата, – продолжала Изабелла, – что я полюбила тебя, едва увидев. Но со мною вечно так; все определяют первые мгновенья. В первый же день, когда Морлэнд приехал к нам на Рождество, – в первую секунду, когда я его узрела, – сердце мое было отдано ему необратимо. Помню, я была в желтом платье, а волосы заплела в косы; когда я вошла в гостиную и Джон нас познакомил, я подумала, что в жизни не видала такого красавца.

Тут Кэтрин втайне признала могущество любви, ибо, любя брата всем сердцем и пристрастно судя обо всех его дарованьях, не считала его красавцем никогда в жизни.

– Еще, помню, с нами в тот вечер пила чай юная госпожа Эндрюс, и на ней была тафта кирпичного оттенка; госпожа Эндрюс смотрелась так божественно – мне казалось, твой брат непременно влюбится в нее; я глаз не сомкнула в ту ночь, о сем размышляя. Ах! Кэтрин, сколько бессонных ночей я провела из-за твоего брата! Я не желала бы тебе и половины того, что перестрадала! Я знаю, что исхудала кошмарно; однако я не стану ранить тебя живописаньем своих

тревог; ты их лицеизрела довольно. Мнится мне, я вечно проговаривалась – я так неосторожно говорила, сколь неравнодушна к церкви! Но я всегда верила, что с *тобою* секрету моему ничто не грозит.

Меньшей угрозы и быть не может, думала Кэтрин; но, стыдясь неосведомленности, коей никто от нее не ожидал, не смела более спорить и не отрекалась от лукавой проницательности и нежного сопереживания, каковыми Изабелла желала ее наделить. Брат, узнала Кэтрин, готовится во весь опор мчаться в Фуллертон, дабы поведать о событии и испросить дозволения; и при мысли о сем душу Изабеллы охватывала подлинная ажитация. Кэтрин попыталась убедить подругу, как была убеждена сама, что отец и матушка Морлэнд ни за что не воспротивятся желаньям сына.

– Не бывает, – сказала она, – родителей добрее, кои более желают счастья детям; я не сомневаюсь, что они согласятся тотчас.

– Морлэнд говорит то же самое слово в слово, – отвечала Изабелла, – и все-таки я не смею сего ожидать; приданое мое столь мало; они никак не могут согласиться. Твой брат, кто может жениться на ком угодно!

В сем Кэтрин тоже расчислила могущество любви.

– Да нет же, Изабелла, ты слишком скромна. Различье состояний вовсе ничего не значит.

– Ах! Бесценнейшая моя Кэтрин, я знаю, что сие ничего не значит для *твоего* великодушного сердца; но не следу-

ет от многих ожидать подобного бескорыстия. Я желала бы только, чтобы мы с ним обменялись положениями. Обладай я миллионами, будь я хозяйкою целого мира, я бы предпочла твоего брата всем на свете.

Сей очаровательный сентимент, равно симпатичный здравостью своей и новизною, весьма приятным образом напомнил Кэтрин всех ее знакомиц среди героинь; и юная дева сочла, что подруга, провозглашая сию великую мысль, была как никогда обворожительна.

– Я уверена, что они согласятся, – то и дело твердила Кэтрин. – Я уверена, они полюбят тебя всей душою.

– Что до меня, – сказала Изабелла, – желанья мои бесконечно умеренны; мне по натуре моей достало бы и наималейшего дохода. Когда людей связывает расположение, сама бедность обращается в богатство; роскошь я презираю; я бы и за все блага вселенной не поселилась в Лондоне. Домик в какой-нибудь далекой деревушке – вот наслаждение. Поблизости от Ричмонда есть очаровательные дома.

– Ричмонд! – вскричала Кэтрин. – Ты должна жить поближе к Фуллертону. Ты должна быть рядом с нами.

– О да, иначе я стану горевать. Я буду счастлива, если только поселюсь подле *тебя*. Но сие праздные беседы! Я не позволю себе помышлять о таком, пока мы не узнаем ответа твоего отца. Морлэнд говорит, что, если напишет нынче в Солсбери, мы, вероятно, получим письмо завтра. Завтра? Да мне не хватит мужества вскрыть конверт. Я наверняка умру.

За сей убежденной декларацией последовало благоговейное молчанье – и когда Изабелла вновь заговорила, речь пошла о фасоне ее свадебного платья.

Их совещанье прервал трепетный молодой влюбленный собственной персоной – он явился, дабы выдохнуть прощальные слова пред отъездом в Уилтшир. Кэтрин желала поздравить брата, но не знала, что сказать, и лишь глаза ее не утратили красноречия. Во взоре их, однако, весьма выразительно сияли восемь частей речи, и Джеймс складывал из них фразы без труда. В нетерпении желая осуществить дома все, на что надеялся, юноша прощался кратко; и прощался бы еще короче, если б его то и дело не задерживали настоятельные мольбы его прелестной возлюбленной отбыть поскорее. Дважды ее стремление спешнее отправить Джеймса в дорогу возвращало его почти от самой двери.

– Воистину, Морлэнд, я должна вас прогнать. Подумайте, сколь далекий путь вам предстоит. Мне невыносимо видеть, как вы медлите. Ради бога, не теряйте более времени. Ну езжайте, езжайте – я настаиваю.

Подруги, чьи сердца ныне сплелись воедино, не расставались целый день; часы летели в предвкушении сестринского счастья. Г-жа Торп и ее сын, ознакомленные с обстоятельствами и, по видимости, нуждавшиеся только в согласии г-на Морлэнда, дабы счесть помолвку Изабеллы наиудачнейшим событием для семьи, были допущены к сим совещаньям, и их доля взглядов со значением и таинственных гримас пе-

реполнила чашу любопытства младших сестер, коих сведений не удостоили. Простые чувства Кэтрин говорили, что столь загадочная скрытность не являет доброты и безосновательна, и юная дева едва ли удержалась бы от указания на сию недоброту, не будь столь очевидна безосновательность, впрочем, Энн и Мария вскоре облегчили ее душу прозорливостью своих «а чего я зна-аю»; и вечер миновал за некоей войною остроумий, представлением фамильной находчивости: одна сторона таинственно изображала секретность, другая замалчивала открытие, и обе являли равную изобретательность.

Назавтра Кэтрин вновь была с подругою, пытаясь оную взбодрить и в праздности поторопить бесконечные часы скуки до прибытия почты, – занятие потребное, ибо с приближением часа, когда разумно ожидать корреспонденции, Изабелла все более падала духом и к минуте доставки довела себя до подлинного расстройств. Но куда же расстройство делось, едва доставили почту? «Я без труда получил согласие добрых моих родителей, кои обещали ради счастья моего сделать все, что в их силах» – таковы были первые три строки, и в единый миг радостная уверенность затопила дом. Черты Изабеллы ослепительно просияли, все заботы и тревоги словно улетучились, душа ее воспарила так высоко, что не уймешь, и дева без колебаний объявила себя счастливейшей из смертных.

Г-жа Торп со слезами радости обнимала дочь, сына, по-

сетительницу и с удовлетвореньем заключила бы в объятья половину обитателей Бата. Сердце ее истекало нежностью. Что ни слово, звучало «драгоценный Джон» и «драгоценная Кэтрин»; «драгоценную Энн и драгоценную Марию» следовало незамедлительно ознакомить с их блаженством; и две «драгоценные» разом пред именем Изабеллы не превышали того, что сие возлюбленное дитя заслужило с полным правом. Даже Джон не избегнул радости. Он не просто наделил г-на Морлэнда высоким званием одного из наиславнейших малых в мире, но также заполнил божбою целый панегирик.

Письмо, породившее все эти восторги, было кратким, едва ли содержало что-либо, помимо сообщения об успехе; все подробности же откладывались до следующего раза, когда Джеймс сможет написать. Однако Изабелла готова была дожидаться подробностей. Истинно потребные сведения составили благословение г-на Морлэнда; честь его служила зарок-ом того, что все пойдет как по маслу; и бескорыстная душа Изабеллы не заботилась о том, какой методою образуется их доход, получают ли они землю или же деньги в облигациях. Она узнала достаточно, уверилась ныне в достойном и скором браке, и ее воображение стремительно умчалось к сопутствующим ему радостям. Она зрела себя: миновали несколько недель, всякий новый знакомец в Фуллертоне взирает и восхищается, всякая дорогая старая подруга в Патни ей завидует; в ее распоряжении экипаж, на карточках новое имя, а на пальце — блистательная выставка колец.

Когда все удостоверились в содержании письма, Джон Торп, ожидавший лишь доставки почты, дабы отправиться в Лондон, приготовился отбыть.

– Ну-с, госпожа Морлэнд, – сказал он, обнаружив ее одну в салоне, – я пришел с вами распрощаться.

Кэтрин пожелала ему счастливого пути. Будто бы не слыша ее, он подошел к окну, помялся, помычал некий мотивчик и, по видимости, совершенно погрузился в себя.

– Вы не опоздаете в Девайзес? – спросила Кэтрин. Он не отвечал, но после минутной паузы изверг:

– Отменно хорош этот брак, Богом клянусь! Умно Морлэнд и Красотка сочинили. А вы что скажете, госпожа Морлэнд? Я бы сказал, неплохая мыслишка.

– Мне представляется, мысль очень хороша.

– Правда? Вот это, ей-богу, по-честному! Впрочем, я рад, что вы не против брака. Слыхали когда-нибудь песенку – «Пойдешь на свадьбу – жди второй»? Я надеюсь, вы придете на Красоткину свадьбу?

– Да; я обещала вашей сестре быть, если сие окажется возможно.

– Ну тогда, знаете ли, – изогнувшись и выдавив глупый смешок, – я бы так сказал, нам бы можно и попробовать, правда ли в песне поется.

– Да? Но я никогда не пою. Что ж, я желаю вам счастливого пути. Я нынче обедаю с юной госпожою Тилни, и теперь мне пора домой.

– Ну уж для такой отъявленной спешки повода нет. Кто знает, когда еще свидимся. Я-то вернусь только через две недели, и две недели эти покажутся мне дьявольски долгими.

– Зачем тогда вы так надолго уезжаете? – парировала Кэтрин, сообразив, что он ждет ответа.

– Вот уж как вы любезны – любезны и добры. Я такое не скоро забуду. Но, я так думаю, в вас доброты и всего прочего больше, чем в любом, кого ни возьми. Чудовищная просто доброта, и не только доброта, но в вас столько – столько всего; и вы такая – честное слово, я и знать не знаю никого, на вас похожего.

– О Господи, да множество людей на меня похожи, только гораздо лучше. Доброго вам утра.

– Но, госпожа Морлэнд, я вскорости приеду навестить Фуллертон, если сие вам приятно.

– Конечно, приезжайте. Мои отец и матушка будут вам очень рады.

– И я надеюсь – я надеюсь, госпожа Морлэнд, встреча со мною не расстроит вас.

– Боже мой, да вовсе нет. Мало какие встречи меня расстраивают. Общество всегда бодрит.

– Вот и я думаю в точности так же. Я вам так скажу – мне бы чуток бодрящего общества, мне бы только общества тех, кого я люблю, мне бы там быть, где мне нравится, и с теми, кто мне нравится, – и гори огнем все остальное. Я искренне рад, что вы о том же толкуете. Но я так думаю, госпожа Мор-

лэнд, мы с вами вообще часто думаем сходным образом.

— Может, и так; впрочем, я о сем никогда не задумывалась. Часто ли? — правду сказать, довольно невелика та доля, касательно коей я свое мнение знаю сама.

— Так и я тоже, ей-же-ей. Терзать мозги тем, что меня не заботит, — нет, вот уж это не по мне. Мои-то мыслишки — проще простого. Мне бы только девушку, которая мне нравится, да удобный домик над головой — и за каким дьяволом мне все прочее? Состоянье — ничто. В своем доходе я уверен; а если у нее нет ни пенни, — ну и ладно, оно и к лучшему.

— Истинная правда. Тут я с вами согласна. Если одна сторона располагает приличным состоянием, другой сие вовсе не потребно. И не важно, у кого оно есть, — главное, чтобы хватило обоим. Один денежный мешок ищет другой — гадко подумать. А брак ради денег — по-моему, наиотвратительнейшая вещь на свете. Доброго дня. Мы будем очень рады увидеть вас в Фуллертоне, когда вам будет удобно.

И с этим она ушла. Вся галантность Торпа не умела задержать ее долее. Какие новости ей предстояло поведать, к какому визиту подготовиться! — ни единая черта его натуры не могла побудить Кэтрин к отсрочке; и юная дева поспешила прочь, оставив Торпа в совершенном довольстве, ибо рацею свою он счел удачной, а ободренье Кэтрин — неприкрытым.

Волнение, кое она пережила, узнав о помолвке брата, понудило ее ожидать значительного всплеска чувств, кой захлестнет чету Аллен, едва они услышат о чудесном собы-

тии. Сколь велико было ее разочарование! Важнейшее дело, кое многоречивые предуведомленья выманили на свет Божий, предвиделось супругами с самого приезда Джеймса в Бат; и по такому случаю г-н и г-жа Аллен разве что пожелали молодым людям счастья; джентльмен, кроме того, отметил красоту Изабеллы, а дама – невероятное оной везенье. Кэтрин сие мнилось бесчувственностью удивительных пропорций. Правда, раскрытие великой тайны – поездки Джеймса в Фуллертон накануне – пробудило в г-же Аллен некие переживания. Сего известия она не смогла перенести с идеальным самообладанием, раз за разом сокрушалась о том, что потребна была секретность, жалела, что не ведала о намерении Джеймса заранее, а равно о том, что не увиделась с молодым человеком, ибо тогда всенепременно обеспокоила бы его просьбою передать наилучшие пожеланья отцу его и матушке и горячие приветы всем Скиннерам.

Глава XVI

Так вдохновенно Кэтрин ожидала удовольствий, предстоявших ей на Милсом-стрит, что разочарование было неминуемо; и вот, хотя ее крайне вежливо принял генерал Тилни и ласково приветствовала его дочь, хотя Генри был дома, а более никого, по возвращении Кэтрин, не потратив многих часов на исследование своих чувств, уразумела, что устремлялась в гости, предвкушая счастье, коего визит не даровал. Взамен упрочения знакомства с юной г-жой Тилни на протяжении дня Кэтрин едва ли была с нею близка, как прежде; взамен явления Генри Тилни с наилучшей стороны в неприужденности семейного круга, был он как никогда немногословен и на редкость малопрятен; и невзирая на великую любезность их отца – невзирая на его благодарности, приглашения и комплименты, – Кэтрин бежала от него с облегчением. Сего она объяснить не могла. Невозможно, чтобы виновен был генерал Тилни. Не приходилось сомневаться, что он совершенно приятный и добродушный, решительно очаровательнейший человек, ибо он был высок, красив и приходился Генри отцом. Он не мог быть в ответе за уныние своих детей или же уныние ее души в его обществе. Первое, в конце концов понадеялась Кэтрин, могло быть случайным, а последнее она могла приписать лишь собственной глупости. Изабелла, выслушав подробности визита, дала иное изъяс-

нение. Сие сплошь гордость, гордость, непереносимое высокомерье и гордость! Она давно подозревала, что семейство это чересчур о себе возомнило, — и вот доказательство. О нахальстве, подобном таковому юной г-жи Тилни, Изабелла в жизни не слыхала! Не выполнить обязанностей хозяйки, не явить обычное хорошее воспитанье! Столь надменно вести себя с гостьей! Едва ли с ней вообще беседовать!

— Но, Изабелла, все было не настолько плохо; никакой надменности; она была очень любезна.

— Ах! Не защищай ее! Да еще брат — он, кто, казалось, так к тебе привязан! Боже всемогущий! Что ж, есть люди, чьих чувств нам не постичь. И что, за весь день он едва ли на тебя взглянул?

— Я этого не говорила; но он, кажется, был подавлен.

— О, презренный! Более всего на свете мне отвратительно непостоянство. Молю тебя, драгоценная моя Кэтрин, не думай более о нем; он поистине тебя недостоин.

— Недостоин! Вряд ли он вообще думает обо мне.

— Я о том и говорю; он никогда о тебе не думает. Какая переменчивость! Ах! Как отличается сие от твоего брата и от моего! Я совершенно уверена, что сердце Джона крайне постоянно.

— Что же до генерала Тилни, уверяю тебя, невозможно было вести себя любезнее и внимательнее; его только и заботило, достаточно ли мне весело и вполне ли я счастлива.

— Ах! О нем я ничего дурного не знаю; его не заподозришь

в гордости. Мне представляется, он весьма благородный господин. Джон отзывается о нем очень хорошо, а суждения Джона...

— В общем, я погляжу, как они станут поступать вечером; мы с ними встретимся в залах.

— И мне следует идти?

— А ты не собиралась? Я думала, все уговорено.

— Ну, раз ты так настаиваешь, я ни в чем не могу тебе отказать. Но не требуй, чтобы я была уж очень приятна, ибо сердце мое, знаешь ли, пребывает милях в сорока отсюда. Что касается танцев, умоляю, даже не поминай; о *сем* не может быть и речи. Надо полагать, Чарлз Ходжес замучает меня до смерти; но я его быстро отошью. Десять к одному, что он угадает причину, а именно сего я желала бы избежать, посему буду настаивать, чтобы он держал свои догадки при себе.

Что бы ни думала Изабелла о семействе Тилни, на подругу ее сие не подействовало; та не усомнилась, что манеры брата, а равно сестры дерзкими не были, и не сочла, что в сердцах обоих гнездится гордость. Вечер сию уверенность вознаградил; сестра встретила ее с прежней добротою, а брат — с прежним вниманьем: юная г-жа Тилни старалась быть подле Кэтрин, а Генри пригласил юную деву танцевать.

Накануне услышав на Милсом-стрит, что всякий час ожидается приезд их брата капитана Тилни, Кэтрин мгновенно расчислила имя весьма светского молодого красавца, кой прежде ей не встречался и явно принадлежал к их группе.

Кэтрин взидала на него в великом восхищении и допустила даже, что некоторые сочтут его красивее брата, хотя, с ее точки зрения, капитан Тилни держался высокомернее, а внешность его менее к себе располагала. Манерами и вкусом он, несомненно, брату уступал; ибо Кэтрин слышала, как капитан не только отверг одну мысль потанцевать, но в голос высмеял Генри, ибо тот почитал сие времяпрепровождение возможным. Сие последнее обстоятельство подсказывает, что, каково бы ни было о сем господине мнение героини, его восхищение ею оказалось не слишком опасного свойства — не из тех, что чреваты враждою меж братьями или гоненьями на даму. *Он* не мог быть нанимателем трех головорезов в плащах — головорезов, что впоследствии втолкнул юную деву в карету, запряженную четверкой, коя с невероятной скоростью помчится прочь. Кэтрин тем временем, не тревожась предчувствием подобной или какой бы то ни было беды, за вычетом малочисленности танцующих пар, привычно блаженствовала в обществе Генри Тилни, со сверкающим взором слушая все, что он говорил, и, полагая его неотразимым, становилась неотразимою сама.

После первого танца капитан Тилни вновь приблизился к ним и, к немалому неудовольствию Кэтрин, оттащил брата прочь. Перешептываясь, они удалились; тонкое чутье юной девы не забило тревогу немедленно и не дало ей понять непреложно, что капитан Тилни, по всему вероятно, получил некие сведения, кои ее порочат, и поторопился изложить

их брату, надеясь разлучить его с Кэтрин навек; однако же дева невольно охвачена была сильной тревогою, наблюдая, как партнер ее удаляется из виду. Неизвестность продлилась добрых пять минут; и Кэтрин уже размышляла, сколь беспримерно длинна сия четверть часа, когда братья возвратились и дева слышала объяснение: Генри осведомился, как она думает – станет ли юная г-жа Торп возражать против танцев, ибо его брат счастлив будет оказаться ей представлен. Кэтрин, нимало не колеблясь, ответствовала, что юная г-жа Торп вовсе не намерена танцевать – она, Кэтрин, в сем совершенно уверена. Жестокий ответ был передан капитану, и тот немедленно удалился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.